

The illustration depicts a young woman with long brown hair, wearing a pink cap and a light purple floral dress, sitting on a wooden bench. She is wearing white socks with red and blue stripes and white sneakers. A soccer ball is at her feet. Next to her, a young man with long dark hair, wearing a black jacket and black pants, stands holding an open book that emits a bright golden light. The scene is set on a wooden balcony with a lattice railing, overlooking a lush green landscape with a river and a sunset sky. The entire image is framed by a decorative gold border.

Екатерина Романова

Метка Де'кри: пережить отбор

Екатерина Романова

Метка Де'кри: пережить отбор

«Екатерина Романова»

2017

Романова Е.

Метка Де'кри: пережить отбор / Е. Романова — «Екатерина Романова», 2017

ISBN 978-5-532-08296-0

Мне, пацанке Долорес, любительнице крепкого слова, пенного напитка и кулачных боев выпала сомнительная честь стать невестой рея. Так себе, скажу я вам, мужик, но все лучше, чем голову на плахе потерять. За свою свободу и возможность помочь друзьям я буду биться до конца. Понадобится – кулаками. Совсем понадобится – сменю штаны на платье и буду превращаться в леди. И рея, так уж и быть, охмутать попробую. Вот только у судьбы коварные какие-то планы. И отбор пошел не на жизнь, а на смерть.

ISBN 978-5-532-08296-0

© Романова Е., 2017

© Екатерина Романова, 2017

Метка Де'Кри

© Екатерина Романова, 2017

© Оформление. Екатерина Романова, 2017

Файл для сайта ЛитРес

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена административная и уголовная ответственность.

Подобные действия на территориях стран подписавших международные конвенции по авторскому праву влекут административную и уголовную ответственность в соответствии с действующим законодательством этих стран.

Громыхнул гром, сверкнула молния. Погода в Сенсории странная какая-то стала. То дожди посреди лета, то град пойдет. Недавно вообще потряхивало. Землетрясение в наших-то краях?

– Ди! – взвизгнули мальчишки, вырвав меня из раздумий. Я сурово сдвинула брови, призывая их стойко перенести мою казнь.

Барабанная дробь нагнетала обстановку. Мне даже самой стало несколько тревожно. Лица челяди напряглись. Казалось, присутствующие даже дыхание затаили. Все ждали заветных «вжух» и «хрясь» после которых разразится гром аплодисментов, и немытая река разнорабочих растечется ручейками в разные стороны, удовлетворив необъяснимую потребность лицезреть чужую смерть. Или их забавляет вид подпрыгивающей по лестницам отрубленной головы? Как бы то ни было, сегодня я стала причиной, по которой половина Сенсории стеклась на центральную площадь. Даже представитель от графа Иктиона с самодовольной ухмылкой восседал на обитом бархатом стульчике. Сидел с таким видом, словно я лично с его блюда окорок утащила. Так бы и плюнула в наглую надменную физиономию.

Между тем поток моих рассуждений лился и лился, а топор палача никак не прерывал тяжких дум. Я даже обернулась посмотреть, все ли нормально с распорядителем казни. Он каменным изваянием застыл с занесенным наверх топором, и опускать его отчего-то не спешил.

За несколько часов до этого

– Иди наперехват! – в спину ударяли крики приближающейся погони.

Я неслась, как могла, подгоняя парней, но понимала, что от королевской стражи уйти не получится. Не в этот раз. Во всяком случае, всем. Поэтому, нырнув в очередной переулок, я схватила ребят за шкурку и, пока те растерянно хлопали большими от страха глазами, произнесла:

– Значит, так. Держите это и передайте матушке Фросинье, – от шока друзья не шелохнулись. Всунула сверток Брантону и продолжила: – Настоятельница ни слова. Станут спрашивать обо мне – говорите, что не знаете ничего.

– Ди, мы не бросим тебя. Мы команда! Друг за друга горой!

– Вот и будем действовать, как команда! Малышам нужны эти продукты, вперед! – рыкнула я и для надежности поддала обоим пинка.

Бросив на меня растерянные взгляды, парни переглянулись и сначала неуверенно, а затем, услышав крики королевской стражи, со всех ног бросились вперед. Чтобы дать им возможность уйти, я с поднятыми руками вышла навстречу стражникам:

– Поймали, поймали, – улыбнулась лукаво, натянув кепку ниже на глаза. Пока гвардейцы оценивали обстановку и медленно меня окружали, я резко прижалась к земле и, оттолкнувшись изо всех сил, подлетела. Слабый магический трюк часто вытаскивал меня из передряг. Раскрыв рты, стражники следили за траекторией моего полета, и опомнились только тогда, когда по мостовой раздался стук моих ботинок с деревянной подошвой. Говорила я матушке-настоятельнице, что это хоть и практично, но выдаст меня с головой на промысле...

– Идиоты! – донеслось откуда-то раздраженное рычание.

Этот голос...

Свист магической плети едва не оглушил. Утратив возможность шевелить ногами, я треснула лбом о пыльные камни закоулка, едва успев выставить перед собой ладони, чтобы смягчить удар.

Пришла в себя от холода. Первой медицинской помощью оказался стакан ледяной воды в лицо. С меня содрали кепку. Когда по моим плечам рассыпались каштановые пряди, отливающие медью, со всех сторон донеслись удивленные ахи. Стандартная реакция.

– Ты погляди. Оказывается, мы все время за бабой гонялись? А по одежде-то и не скажешь, что у нее что-то есть.

Чтобы убедиться, нахал сжал ладонью мою грудь и заявил:

– И правда, баба!

Положил вторую ладонь и тут я не выдержала – рванулась изо всех сил, клацнув зубами в паре миллиметров от шершавых пальцев наглеца. Мои-то руки в наручниках и за спиной, иначе бы непременно воспользовалась ими и тогда могла получить наказание прямо на месте. За посягательство на представителя власти.

Правосудие в Ла Эль Дероси всегда страдало, а уж в нашей Сенсории и подавно. Городишко на двадцать тысяч жителей, каждый из которых пытается выбиться в люди и переехать в Люмнию, а оттуда и в столицу, если повезет, утопало в коррупции и нищете. Чего-то достичь получалось лишь двумя способами: заключить выгодный брак либо дать нужному человеку взятку. Иных способов продвижения по карьерной лестнице или изменения судьбы не существовало. Точнее, был один, но совершенно невероятный. Если в тебе, да просит богиня за такую неслыханную дерзость, проснется способность использовать природную энергию и преобразовывать ее в магическую. Да, сильнейшим магам мира удалось обуздать ее, пустить по проводам и невидимым энергопотокам, но энергия лишь дает силу артефактам, делая их доступными для богатых людей. Использовать же силу магии непосредственно могут только адаптанты – люди, способные ее обработать и адаптировать под собственные нужды. Таких на все королевство насчитывалось не более десяти и меня в их числе, разумеется, не было.

– Вот ведь стерва! Да ты хоть знаешь, что тебя ждет?

– Казнь, – это слово произнесла со спокойной решимостью.

Казнь через отрубание головы за две буханки хлеба, копченого окорока и пуд гречневой крупы, чтобы дети в монастыре не умерли с голоду.

«В стране – экономический кризис, голод, разруха. Приходится урезать расходы и крепиться даже благородным сословиям. Мы понимаем вашу боль. Займитесь собирательством, работайте усерднее. Еды нет, но вы там держитесь!» – самодовольно вещал с рекламных экранов граф Иктион, смотритель наших земель, в том числе и покровитель Сенсории. Как показала инспекция одного из складов графа, ни голода, ни разрухи, ни тем более какой-либо нужды он не испытывал. В то время, как сенсорийцы умирали на улицах от истощения, в его

амбарах покрывался плесенью хлеб и гнило мясо, что доставалось крысам, но не подданным графа.

– Понимаете, за что вас будут судить? – бесстрастно выводя на листке нужные фразы, и обращая на меня не больше внимания, чем на трещину в своем столе, дознаватель произнес полагающийся по протоколу вопрос. Его не в меру нахальный напарник сопел неподалеку.

– Понимаю, – уверенно кивнула. – За желание накормить детей.

На меня уставились два недовольных карих глаза, терявшихся на широком одутловатом лице.

– За нарушение пункта два параграфа один указа графа Иктиона от прошлого года! Кража из графских запасов считается преступлением против королевской власти и карается смертью.

Сделала вид, что прониклась. Какой смысл? Все равно мне отрубят голову, вне зависимости от дальнейших вопросов и моих ответов.

– Кто был с вами?

– Никого. Я проникла на склад одна, – соврала и глазом не моргнув.

– Вот как, – недовольно крикнул мужчина, отпив кофе. – А куда делись, – он склонился над протоколом и зачитал, – «две булки пшеничного хлеба, копченый окорок, пуд гречневой крупы и вяленый лещ?».

– Вяленого леща кто-то из ваших утащил. А остальное я съела.

– Съели? – посмотрев на меня, как на полоумную, переспросил дознаватель.

– Жрать хотелось, аж кишки сводило, – развела руками, нахально улыбаясь напоследок.

– Пуд гречневой крупы?

Утвердительно кивнула, и глазом не моргнув.

– И когда же вы успели, любезная? Стражники вас сразу заприметили и начали погоню!

– На бегу, – с трудом подавила желание закинуть ноги в грязных ботинках на стол дознавателя и попросить кофе. Несмотря на то, что я не пила кофе, перед смертью хотелось позволить себе какую-нибудь неслыханную наглость.

– Я вам не верю, – холодно отчеканил дознаватель.

– Да на здоровье.

– Кого вы покрываете? Кто помогал вам расхищать королевское имущество?

– Повторюсь, я все сделала сама и съела, пока спасалась от ваших стражников.

– Вы физически не смогли бы унести все это одна!

– Вот поэтому и пришлось съесть по дороге! Мы, женщины, знаете ли, такие обжоры, когда волнуемся. Не верите, у жены спросите!

Мужчина рефлексивно и с грустью провел по запястью левой руки.

– Ну, хотя да. С вашей внешностью да в таком возрасте кто позарится...

Недовольно стиснув зубы, дознаватель бросил протокол в папку с моим именем и, откладывая ее в сторону, неспешно и с удовольствием обозначил:

– Вы обвиняетесь в неоднократных кражеских преступлениях против королевской власти. Доказательства неоспоримые, свидетели надежные, а потому дознание окончено без судебного следствия. Мой приговор – казнь путем отрубания головы завтра на центральной площади в полдень. Уведите ее.

На этом правосудие завершено. Именно так. Все просто. Две буханки хлеба, окорок и гречка, которых младшей группе монастыря богини свободы Де'кри хватит лишь на пару дней. После этого кто-то другой рискнет головой, чтобы прокормить малышей. Мне удавалось успешно убегать от стражников на протяжении трех лет. Они примерно знали, кто крадет запасы графа, но не пойман с поличным – не вор. Если бы не появление королевского адаптанта в наших краях, того самого, одного из десяти, мне бы и в этот раз улыбнулась удача.

Но он прибыл именно по мою душу, ведь графа не устраивали постоянные кражи из своего хранилища из-за которых, якобы, и королевство беднеет.

Вот оно – последнее пристанище. Узкая кровать с матрасом и грязной подушкой, бетонный пол, небольшое окошко, из которого, сквозь решетку, доносился легкий ветерок. С наслаждением впитала аромат вечерних трав, прочитала короткую молитву богине и развалилась на кровати. Перед казнью следует хорошенько выспаться.

Говорят, знание точной даты смерти меняет. Но не в том случае, когда ты живешь с верой. Воспитание в монастыре имело свои плюсы. Я верю в Богиню свободы и верю, что смерть лишь начало новой жизни. Освобождение. В мире Суэлии для меня не было радостей. Каждый день – борьба за выживание. Каждые несколько дней – очередной умерший от голода ребенок на руках. Раз в неделю – организация побега из тюрьмы для попавшихся на краже друзей. Иногда получалось успешно, но чаще всего – не очень. Рука палача несла неотвратимое возмездие. Возмездие. Я усмехнулась и, очередной раз, помянув недобрым словом наследника трона – Кирана даст ир Дюпри, помолилась за душу почившего пять лет назад рея Не-Рхи даст ир Дюпри.

– Ди! – донеслось сверху.

Сначала показалось, что я сошла с ума, но затем прислушалась и поняла, что меня зовут с улицы. Встала на бортик кровати и выглянула на улицу. Парни нерешительно мялись, не в силах спрятать трагическое выражение на лицах.

– Что за кислые рожи?

– Все плохо, да?

– Приходите завтра в полдень на мою казнь. Вы знаете, на все воля богини Де'кри.

– Но это несправедливо! – на глаза друзей набежали слезы. Для моего сердца не было ничего хуже, чем детские слезы. Могла снести что угодно: голод, лишения, боль, но не это.

– Так, шантрапа! – рыкнула я. – Вы чего добиваетесь? Тоже без головы остаться хотите? Ну ка живо в монастырь! Лучше помолитесь за меня. Завтра день моей свободы. Все. Чтоб духу вашего здесь не было.

После этого я спрыгнула с кровати и вновь улеглась, при этом прислушиваясь к каждому шороху. Парни еще какое-то время стояли на улице и перешептывались. Я слышала, как они молятся, но о чем просили богиню – не разобрала. Слышала лишь «спаси нашу Ди». Наивные, но добрые ребята. А затем, напоследок, едва слышное:

– Мы тебя не забудем, Ди. Никогда. Спасибо тебе за все...

Впервые за девятнадцать лет глаза защищало от слез, а сердце сжалось от невыносимой боли. «Несправедливо», – крутились в голове слова ребят. Да, несправедливо. Но такова жизнь.

Утро встретило беззаботной соловьиной трелью. Жизнь продолжалась. Для всех, кроме меня. Перед казнью меня неизвестно зачем покормили картошкой с хлебом, а за пятнадцать минут до события вывели из камеры и повели сквозь толпу. Люди смотрели, кто злобно, кто с сожалением. Больше, правда, безразлично. В последнее время безразличие стало одним из наиболее употребляемых слов. Оно как нельзя лучше характеризовало состояние крестьян и людей низших сословий. Последние, к слову, все росли и пополнялись новыми членами общества, некогда бывшими торговцами, кузнецами, иными ремесленниками... Люди разорялись из-за непомерных поборов графа.

Меня вывели на сооруженный помост и толчком заставили сесть на колени и сложить голову на плаху.

– Уберите волосы, фрэини Савойи.

– Сами убирайте, – хмыкнула я, устраивая голову удобнее. Никак не могла выбрать: положить на правую щеку или на левую.

– Повторяю, – тяжелым басом со стальными нотками просипел мужчина. – Уберите волосы с шеи!

– Не хочу, – упорствовала, определившись, что удобнее всего на левой щеке. Лучше видно серо-коричневый океан толпы, с предвкушением ожидающий зрелища. Подмигнула парнишкам, которые так и не смогли себе простить моего заступничества. Ничего. Я не боюсь и ни о чем не жалею. Такие слова как «жалость» и «страх» отсутствуют в словаре Савойи.

– Если не уберете волосы – отрублю вместе с ними!

– Да рубите, чего уж там, – устало вздохнула я, прикрыв глаза и ожидая, что, наконец, тяжелый топор палача опустится и прекратит эту мучительную пытку. Нет ничего хуже ожидания.

Понимая, что от несговорчивой заключенной ничего не добьется, палач небрежно откинул в стороны мои каштановые локоны и занес топор.

– Ди! – в страхе закричали мальчишки. Глупые, вы же себя сдадите! Я сурово сдвинула брови, призывая этим жестом вспомнить, что они – мужчины. Топор же, тем временем, не спешил рубить мою грешную голову. Обнаглев, я обернулась и посмотрела на палача.

– Я вызываю адаптанта Миргаса, – наконец, опустив топор, но не на мою ожидающую внимания шею, а вниз, громогласно взревел палач. Мешок с двумя прорезями для глаз смотрелся на нем до смешного нелепо. Интересно, откуда взялась мода палачам лицо прятать? Боятся, что убитые восстанут из мертвых и по их душу мстить заявятся? Не знаю, как у других, а у меня таких планов не было.

– Ди, богиня Де'кри поможет! – радостно подпрыгивали парни, надеясь, что казнь не просто приостановлена, а по какой-то причине и вовсе будет отменена.

Мне о таких причинах даже чисто теоретически известно не было. Но уж больно у них все не организовано и затянато. Я позволила себе вольность и убрала голову с плахи, приятно пахнущей хвойной смолой. Села на корточки и озорно подмигнула друзьям. Не знаю, кого в этот момент подбадривала больше: себя или их.

Адаптант широкими шагами взлетел на постамент, склонился над палачом – знатным, между прочим, амбалом, могучей скалой и сдвинул брови. Маг был недоволен, но после слов горе-палача схватил меня за волосы и оголил шею.

– Быть того не может, – выдохнул он и, плюнув на ладонь, принялся тереть.

– Эй, вы себе что позволяете? – я дернулась, но вырваться из хватки мужчины не получилось.

Убедившись, что нечто на моей шее не стирается, адаптант оставил меня в покое и заявил для присутствующих к сущему неудовольствию представителя графа Иктиона:

– Казнь отменяется. Очистить площадь!

Ослушаться адаптанта никто не смел, а потому уже через несколько секунд, присутствующие, словно тараканы, разбежались по своим делам. Наиболее любопытные, вроде моих парней, боязливо выглядывали из-за углов ближайших домов, цепляясь за плесневый камень как за последнюю надежду.

– Что значит, отменяется? – опешила я. – А граф Иктион в курсе? Я у него, между прочим, окорока украла. И пуд гречки, – добавила для весомости. Но адаптант все равно подхватил меня под локоть и потащил за собой.

– Я в курсе всех ваших кражеских преступлений. И знаю, о чем вы думаете. Даже не надейтесь сбежать! Моя магия быстрее ваших ног, фрэйни.

– Ну-ну. Три года бегали за мной, вместе с вашей магией, – буркнула под нос, но мужчина услышал. Это я поняла по сомкнувшимся вокруг руки стальным пальцам. – Руки от меня уברי, грубиян!

– Я должен доставить вас ко двору. И немедленно, – зашвырнув меня в магомобиль, отчеканил адаптант.

Мне даже не дали времени осмыслить. Магомобиль да в нашем городишке? На таких только в столице щеголяют. Оно и понятно. При сегодняшних ценах на магию удивительно,

что люди не живут во мраке, находя возможность платить за свет, воду и тепло в собственных домах. А прокормить такого зверя, как магомобиль не по карману даже графу Иктиону, который разъезжает на привычных каретах, запряженных четверкой вороных лошадей.

Но только не адаптант Миргас. При появлении его магического артефакта сбегается вся округа. Точнее, сначала сбегается, а потом, при виде самого адаптанта – разбегается. Внешне он, может быть, и хорош собой. Но хорош, как ядовитый плющ – на расстоянии. Таких лучше не трогать.

Я прильнула лбом к стеклу магомобилия и замороженно наблюдала, как земля уходит из-под ног и остается там, внизу, расчерченная тонкими линиями городских дорог и усыпанная горошинками домов. Бесшумный артефакт уносил все дальше от тихой гавани монастыря богини Де'кри, в котором я родилась и воспитывалась в окружении таких же ребят – брошенных родителями и никому ненужных беспризорников. Матушка Фросинья оберегала нас, воспитывала и учила, как могла. Вот мы и выросли тоже как могли.

Вдоволь налюбовавшись видом, откинулась на мягкую спинку. Никогда прежде не сидела на таких удобных сиденьях. Теплое, уютное, словно создано для человеческой спины. Я с удовольствием поерзала, но ледяное замечание адаптанта отрезвило:

– Не портите имущество рея, фрэйни Савойи.

– Неужели имущество рея настолько негодное, что не выдержит знакомства с маленькой фрэйни? Раз уж вас, громадину такую выдерживает, – я вульгарным жестом тыкнула куда-то в область поясницы адаптанта Миргаса и, сама смутившись, состроила рожу и отвернулась обратно к окну.

Лучше уж буду облака да пейзажи разглядывать, чем непроницаемо суровое выражение лица мужчины. Не лицо, а скала. Рельефное, жесткое и опасное. От взгляда глаз цвета талого льда, которые сейчас в отблесках солнца отчего-то медово-коричневые, можно застыть насмерть.

– Разве это преступление, накормить голодных детей? – отрешенно спросила, даже не надеясь на ответ.

– Чужой едой? – иронично уточнил адаптант. На этом стало понятно, что такое понятие как «нужда» ему неизвестно. Привыкший жить в роскоши и достатке он вряд ли знает каково это – делиться и помогать ближним.

Тяжело вздохнув, я спросила:

– Зачем вы меня ко дворцу везете? Я требую казни!

– Ко двору, – поправил он.

– Да какая разница? Двор во дворце. Чего я там забыла? Казнили бы у себя, закопали бы по-человечески. А там, в столице, кто с моим трупом возиться станет? Разве проведут мне церемонию проводов в мир богини Де'кри?

– Вам это не понадобится, фрэйни. Отныне вы поступаете на полное государственное обеспечение на все время испытаний.

Соизволила оторваться от созерцания пейзажа и обратить внимание на адаптанта. Он без каких-либо эмоций смотрел прямо перед собой. Коричневые жесткие волосы волнами спадали до плеч, обрамляя серьезное, даже суровое лицо. Небольшая сутулость свидетельствовала о том, что адаптант, похоже, увлекается вольными боевыми искусствами, о коих я знала не понаслышке. Но мое внимание привлекли иные слова.

– Каких еще... испытаний? Вы меня на опыты везете? Я слышала, есть в столице извращенцы, которые опыты ставят над людьми! Так я на них не годна! Мяса во мне нет почти, кости слабые, про органы вообще молчу, половина отсутствует, другая половина на честном слове да молитвах богине держится. И вообще, что-то сердце прихватило! – я картинно схватилась за правую грудь.

– Сердце слева, – не глядя на меня поправил адаптант.

– Так справа тоже болит, я о чем и говорю! Остановите тут, я обратно сама доберусь!

– Фрэйни Савойи! Попридержите язык и извольте вести себя, как подобает леди. Вы не на скотный двор направляетесь. Где вам, несомненно, пришлось бы по душе.

– Еще раз меня оскорбите, я вам мордельник начищу, не посмотрю, что адаптант. Поняли?

Беззвучно рассмеявшись, мужчина даже не счел замечание достойным ответа.

Я же подтянула штаны повыше и гневно засопела. Да, на мне одежда на размер больше, чем положена и досталась от моего парня – Лоло. Не то, чтобы он на самом деле мой парень, я скорее позволяла ему так думать. До романтических отношений дело не доходило, а каждый раз, когда он тянул ко мне свои губешки, отхватывал по самые уши. Так и крутился вокруг меня волчком. Матушка настоятельница говорила, что Лоло ради меня устроился на две работы, хотел скопить денег, взять в долг дом и обустроить хозяйство. Для нас. Вот только не уверена, что я – хозяйская девушка, а он – подходящий парень. Как только появляются деньги, идет с дружками в таверну, покупает брагу или пиво и все пропивает. По мне куда веселее погонять по траве мяч с парнями, покататься на лошадях или поучаствовать в уличной драке, чем варить у плиты борщ, да возиться с детьми. Детей я люблю, но не своих же! Куда мне в девятнадцать лет становиться матерью семейства?

В общем-то, в Сенсории, кроме приютских ребят и друзей, ничего не держало. Любопытство, по какой причине меня так спешно с казни отправляют во дворец, пересилило обиду, поэтому я снова попытала счастье:

– Так все же. Что за испытание?

– На вас метка богини Де'кри, – коротко и ясно. И тишина.

Не может быть. Быть того не может! Я запустила руку под волосы, словно метку можно пощупать. Разумеется, ничего, кроме выпирающего шейного позвонка там не обнаружилось. Как так получилось? Богиня отмечает лишь девушек, способных стать адаптантками, способных усилить силу действующего правителя, стать его надеждой и опорой, дать ему внутреннюю силу. Единственное, что я хотела дать будущему рею нашей славной Ла Эль Дероси – Кирану даст ир Дюпри – так это пинка. Ведь он, после смерти отца развалил королевство и превратил нашу жизнь в жалкое существование. Нужно обладать умением, чтоб так мастерски похерить все славные начинания. Теперь же богиня решила, что остолопа во главе страны надо снабдить женой. Я на эту роль точно не годилась. Пацанка без рода и племени. Я даже реферанс или как его там, делать не умею, не говоря о том, чтобы ходить на каблуках или боже упаси, платья носить. А уж встать во главе Ла Эль Дероси?

Нервно усмехнувшись, посмотрела на человека-скалу.

– Вы же не думаете, что я – будущая рейна? Может, отпустите по дороге, скажете – не довели, пропала, украли, съели волки, выпала, на худой конец?

– Я действительно скормлю волкам, если не перестанете болтать.

– Да что ж вы смурной-то такой? – не унималась я. – Сами что ли не понимаете? Ошибка тут какая-то.

– Ошибка или нет – будет видно на месте. Все обладательницы меток тщательно проверяются на подлог.

– И как же?

– Огнем, – отчеканил он, просверлив меня тяжелым взглядом. Желание рассмеяться пропало напрочь. Я рефлекторно толкнула дверь магомобилия, но, разумеется, было заперто. Вот она – хваленая храбрость Савойи. Палачей мы не боимся, а огня...

– А, если не пройду, меня просто отпустят? И про окорок забудут? А леща я не брала... леща кто-то из гвардейцев стащил!

– Не надейтесь, фрэйни. В случае, если вы покинете отбор, наказание будет исполнено. И вам отрубят голову.

Хотелось верить, что удовольствие в голосе адаптанта мне только причудилось. А потому, чтобы в дальнейшем не нагружать свою и без того напряженную нервную систему, я закинула ноги на соседнее сиденье и попыталась уснуть. Невидимая плеть легонько стеганула меня по конечностям. Нехотя изменив позу, предалась дреме.

Есть у меня две маленьких особенности: богатырский храп и не менее богатырский смех. Так уж я устроена с самого детства и, в принципе, всех устраивало, ведь меня часто принимали за парня. Это проще. Помогало беспрепятственно участвовать в уличных боях за деньги и вливаться в любые компании. А потом как-то прицепилось. Пивная отрыжка, кстати, тоже давалась мне шедеврально, но вряд ли это можно назвать конкурентным преимуществом в предстоящем отборе.

Но к чему это я? Не знаю, сколько времени прошло, но солнце уже светило с другой стороны магомобиля, когда я проснулась от собственного храпа. Судя по тому, как саднило лодыжки, закинутые на сиденье напротив, адаптант неоднократно пытался призвать мое спящее тело к ответственности, но сдался первым. Я опустила ноги и подняла голову с плеча мужчины-скалы. Надо же, какой джентльмен. Сидел и терпел мой музыкальный храп. Ну вот, еще и плащ ему слюной закапала. Опустила рукава и принялась старательно стирать собственные слюны с лацкана кожаного одеяния моего сопровождающего.

– Оставьте, фрэйни Савойи, пока хуже не стало.

– Да куда уж хуже? – преувеличенно бодро поинтересовалась я. Но, когда умудрилась переусердствовать и стереть кожу на месте бывшего пятна, сделала вид, что это не я и отвернулась, в надежде, что адаптант не заметит. Похоже, заметил, но почему-то смолчал.

Мы какое-то время путешествовали в полной тишине, а потом, глянув в окно, заметила...

– Дракон!!! – закричала я, со всей силы плюхнувшись на колени адаптанта Миргаса. Он закатил глаза, то ли от боли, то ли от неожиданности и стиснул зубы.

Устроившись с ногами на сиденье магомобиля, я удобнее уперлась ладошками в колени мужчины и во все глаза любовалась проплывающим мимо нас драконом. Гигантское синее-зеленое тело переливалось под солнечными лучами всеми цветами радуги. Огромные крылья делали редкие и сильные взмахи, а какие у него глаза!

– Фрэйни, не могли бы вы убрать свою руку с... эм, – мужчина замялся, а я перевела недоуменный взгляд вниз и разразилась низким басовитым смехом, чем немало удивила своего сопровождающего. – А я думала, что это нога, – рассмеялась снова и переставила-таки руку с достоинства терпеливого адаптанта на его колено. – Но для вас-таки это должен быть комплимент, адаптант. Красивый-то какой этот дракон!

– Это не дракон, а сфайфер.

– Кто-кто? – я уперлась лбом в стекло, провожая взглядом улетающего небесного красавца и, когда тот окончательно исчез из поля зрения, вернулась на прежнее место.

– Сфайфер. Они охраняют королевский дворец.

– А они умеют разговаривать?

– Нет.

– А колдовать?

– Нет.

– Ну, а сокровища-то у них есть?

– Нет.

– Нет, нет, нет, – передразнила я, еле слышно, ледяного истукана, который невозмутимо смотрел вперед, вглядываясь в очертания дворца. Там, среди облаков, виднелись башни и шпили.

Пока разглядывала дворец, справа от нас снова пролетел дракон.

– Дракон!!! – опять радостно воскликнула я и вновь плюхнулась на колени адаптанта.

В этот раз, чтобы не повторять недоразумение, уперлась ладошками и лбом в стекло, загородив мужчине обзор собственной грудью. А, плевать, ее все равно из-за широкой рубашки не разглядеть, а там, за окном – настоящий дракон! Ну, в этот раз точно дракон! Огромная голова, чешуйчатое тело, глаза с острыми зрачками, как у змеи. Его перламутровые чешуйки сверкали на солнце кристально белым светом.

– И это, фрэйни Савойи, тоже не дракон. Ведите себя прилично, сядьте на место! – и меня одним сильным движением усадили рядом. Никак грудь моя не впечатлила. Тоже мне, ценитель прекрасного! Я обиженно надула губы и вытянула шею, чтобы разглядеть улетающего...

– А кто это тогда, если не дракон? Опять этот ваш сфайфер?

– Нет, это снежный крэган. На них путешествуют снежные лорды – зрители северных земель Ла Эль Дероси.

– Ну, а драконы-то в столице водятся?

– Дракон есть только у принца. И ему не по душе взбалмошные девицы.

– Кому? Дракону или принцу?

– Обоим, – по-прежнему не глядя на меня, вымолвил истукан и дальше мы путешествовали молча. Но недолго. Вскоре мужчина приказал снижаться, и мы плавно спикировали на большую мощеную площадку для магомобилей. Кроме нашего, здесь стояло еще с десятков самых разных расцветок. От такой роскоши у меня даже глаза на лоб полезли. Прежде мне доводилось видеть лишь лошадей, да несколько раз дорогие кареты графа Иктиона, но такое количество редких артефактов – впервые.

Адаптант хлопнул дверью и, бросив сухое «за мной», двинулся в сторону дворца. Управляющий магомобилем тоже вышел, и я осталась в диковинном артефакте совершенно одна.

– Как же она открывается? – я внимательно осмотрела дверь, гадая, как ее открыть, раз уж никто не удосужился помочь. Дернула рычажок – на меня подул ветер, дернула другой – из двери выехал стакан с водой, нажала кнопку – опустилось окно. – Забавно, – заметила я, когда стекло опустилось до самого низа.

Увы, ручки для открытия двери так и не нашла, а фигура адаптанта, который даже не обернулся, уже удалялась.

– Эй, подождите меня, – крикнула я, выбираясь из магомобиля через окно.

А разве был другой выход? С попой, конечно, пришлось потрудиться, зато мое кряхтение привлекло-таки внимание провожающего. Он застыл посреди длинного коридора с каменным выражением на прекрасном лице. Лица же спящих неподалеку разодетых в пышные платья дам исказились от непонятных эмоций. То ли удивление, то ли презрение. Но, сдается, надо мной посмеивались.

Вывалившись-таки из окна магомобиля, я подтянула сползшие штаны и подбежала к мужчине.

– А вы знаете, как произвести впечатление на придворных, – ледяным тоном заметил человек-скала. – Толкнуть дверцу не додумались?

– А показать слабо было? – задрав голову, чтобы смотреть собеседнику прямо в глаза, храбро спросила я. – Это, знаете ли, мое первое путешествие магомобилем. Да и толкала я ее в полете. Толку – никакого.

– В полете двери заблокированы для безопасности. Следуйте за мной и не трогайте ничего, чтобы не сломать!

– Да больно надо, – обиженно хмыкнула я и, отскочив от промаршировавших мимо стражников, ухватила за настенный канделябр. Странно скрипнув, рожок, в который я вцепилась, остался у меня в руке, вместе со свечой. Я побледнела и замерла. Только хотела сунуть куда-нибудь свидетельство своего вандализма, как надо мной навис адаптант.

– Фрэйни Савойи, вы что, издеваетесь?

– Я что ли виновата, что у вас тут все на честном слове крепится? – заявила во всеуслышание, игнорируя смешки проходящих мимо дам, глядящих на меня с откровенным презрением. Надо было все же надеть кепку, за парня бы сошла, внимания б не привлекала...

– Простите?

– Даже у нас в Сенсории уже применяются магические светила! Столица, тоже мне, а на магию денег зажали? Сами ведь цены взвинтили. Небось, для себя-то по дешевке производите. Вы сами адаптант, уж для дворца-то могли бы сгенерировать, – раздулась я, пытаюсь починить сломанный канделябр.

– Положите на место, – устало потеряв переносицу, попросил мужчина.

– Мне бы клей. А! Вы же маг, щелкните пальцами, оно само срастется. Ну же. Я держу, давайте, – полагая, что мужчина так и поступит, я и правда держала канделябр, желая исправить недоразумение.

Не специально же сломала, честное слово, а он смотрел так печально-обреченно, словно я проклятие, свалившееся на его голову. Стало не по себе. Положила витиеватую железку на лакированный столик и сделала шаг в сторону, виновато склонив голову.

– Я больше так не буду, адаптант Миргас. Ну, постараюсь во всяком случае. Но канделябр ваш, согласитесь, на соплях держался! – я рассмеялась и мужчина, кажется, слегка оттаял. Хотя, по выражению его лица сложно было понять. Да и вся поза его не выражала ничего, кроме вселенского терпения: руки сложены за спиной, невозмутимое спокойствие на лице. Весь такой неприступный, смурной и... с дыркой на отвороте плаща. Я не удержалась и снова рассмеялась. Уголки губ адаптанта дрогнули.

– Ага! – обрадовалась я, пихнув его локтем. – Значит, не изо льда-таки!

– Это что сейчас было? – женщина, затянутая в светло-лиловый атлас, возмущенно вскинула брови. Талия и грудь стиснута корсетом, а от пояса расходится широкая юбка, надетая на кринолин. По бокам раздуты фижмы, а зад платья неприлично приподнят. Седые волосы завиты в тугие кудри и забраны наверх в витиеватую прическу, а на лице... ух. Выражение оскорбленной невинности!

– Чего? – я обернулась, продолжая улыбаться и разглядывать женщину с головы до ног. Чудное создание.

– Эти ужасные звуки из вашей гортани, фрэйни!

– Мой... мой смех что ли? – я ощупала горло на предмет посторонних включений.

– Убрать, – отрезала женщина со священным ужасом на лице. – Это вульгарно и низко. Подобная похабщина категорически недопустима при дворе!

– Вы кто такая, милочка? – я уперла руки в бока. Нашлась тут тоже, хамка!

– Это ваш преподаватель по этикету, фрэйни Савойи. Я настоял, чтобы она встретила вас прямо подле магомобилия. Во избежание... возможных недоразумений. Следуйте всем указаниям фрэйдан и постарайтесь...

– Ничего не сломать. Да, да. Я помню.

– Вы, должно быть, шутите над моей старостью, адаптант Миргас? Я не смогу сделать вот из «этого» прекрасного лебедя! При всем желании!

– Увы, метки раздаю не я, фрэйдан. И о ваших способностях наслышана вся Суэлия, так что, постарайтесь сделать все, чтобы избежать, – продолжение фразы утонуло в его тяжелом вздохе и не менее тяжелом взгляде на меня. – Всего доброго.

Я печально глядела вслед адаптанту, вновь перевела взгляд на сурово сдвинувшую брови женщину и вернулась к прерванному разговору.

– Так это вы меня похабщиной назвали? Если я не знаю вашу этикету, значит, меня можно оскорблять?

– Этикет, – сморщив носик и чудом удержавшись, чтобы не закатить глаза, поправила она.

– Да какая разница! Если я так смеюсь, что я – человек теперь плохой?

– Это не смех, это больше похоже на лай больной собаки.

– Чего вы сказали? – я закатила рукава, приготовившись дать нахалке в бубен, но вовремя спохватилась – передо мной, можно сказать, старушка, а таких не бьют. Я хоть и без образования, но слово «честь» для меня не пустой звук. Никому не позволю обижать себя или близких, но и сама не стану обижать тех, кто не может защититься.

– Вы воровка!

Стиснула зубы от обиды. Да как она – выращенная на парном молоке – может осуждать меня? Я многое могу стерпеть, но незаслуженную обиду – никогда.

– Вам ли судить меня? Вам, выращенной на всем готовом. Живущей во дворце, в окружении роскоши. У вас есть все: еда, одежда, крыша над головой... Думаете, я хочу воровать? Думаете, ради удовольствия это делала?

– Приличная леди никогда не опустится до подобной низости! – парировала женщина.

– Она лучше с голоду сдохнет, да? – возмутилась я.

– И кого же вы вините в собственном поведении, позвольте полюбопытствовать?

– Вывод один. Его высочество даст ир Дюпри издает такие законы, чтобы людям не оставалось ничего иного, кроме как воровать, чтобы выжить. И за это – желание жить – он наказывает их отрубанием головы! – наконец высказала все, что думаю об этом недалеком выскочке, издаваемомся над собственным народом.

– Любопытная теория, – донеслось из-за спины спокойное и даже чуть ироничное замечание. Внутри похолодело.

Округлив глаза, громогласно прошептала:

– Это что, он самый?

Судя по возмущенно-перепуганному лицу преподавательницы – не прогадала. Женщина сделалась еще бледнее, чем была до этого.

– Он самый, – подтвердил его высочество, степенно дожидаясь, пока я соизволю обернуться.

Обернулась. Реверансов делать не умела, потому поклонилась по-мужски, к существу ужасу преподавательницы и изумлению его высочества. К тому же, мужской поклон смотрелся куда более уместным, учитывая, в каком наряде я была доставлена во дворец.

Под взглядом принца, с любопытством меня разглядывающего, как интересного зверька, мне стало не по себе. Я одернула рубашку, один край которой застрял в штанине и постаралась смахнуть пятно с брюк. Увы, оно красовалось там уже давно и не смахивалось.

– Любопытно, – закончив ревизию, вымолвил принц.

Я отважилась поднять глаза и не удержалась от смеха. Того самого, который как лай больной собаки и так пугает преподавателя по этикету.

– Вы на тренировку собрались? – я ткнула пальцем на лосины удивленного принца и повернулась к преподавательнице. Еще немного и ей точно понадобится... как это... нюхательная соль! – У него пипка выпирает, а вы говорите, что это я вульгарная!

Очередную порцию смеха сопровождал гулкий звук удара за моей спиной. Я снова обернулась. Преподаватель-таки упала в обморок. Я поспешила ей помочь, но принц остановил:

– Оставьте. Ей помогут слуги.

И правда. Тут же подскочили слуги, до этого стоявшие каменными изваяниями возле дверей, и усадили женщину на велюровый диванчик с позолоченной оторочкой, подсунув под нос баночку, видимо, с той самой солью.

– Это классический костюм придворного, фрэини Савойи!

– А почему адаптант Миргас лосин не носит?

– Он – особенный, – в плутоватых глазах принца играли смешинки, которые мне не понравились.

– Вы смеетесь надо мной, ваше высочество? Над своей подданной! А ведь я – прямой результат вашего правления. Нравится?

– Фрэйни Савойи! – взвизгнула женщина, которая едва пришла в себя.

– Довольно фрэйдан Амандрин. Вы свободны. Мы с фрэйни немного прогуляемся по дворцу и побеседуем. Не возражаете? – учтиво поинтересовался мужчина, склонив голову на бок.

– Я не стану перед вами заискивать и лебезить. Меня в любой момент ждет отрубание головы и это ничуть не пугает. Прежняя жизнь страшит куда больше, чем встреча с богиней Де'кри.

– Она взяла вас под свое крыло, – улыбнулся его высочество, подставляя мне локоть. – Значит, казнь вам не грозит. Во всяком случае, до конца отбора.

– Очень вдохновляюще, – не удержалась от замечания, отряхивая рукав. Решив, что он достаточно чистый, чтобы соприкоснуться с бархатом камзола его высочества, неуверенно положила ладошку и смущенно глянула на мужчину.

А красив, чертяга! Белоснежные локоны до плеч идеально уложены, глаза голубого цвета, как воды чистейшего озера Семи кристаллов, где я всегда мечтала побывать. Но черты лица, на мой взгляд, слишком идеальные для правителя. Мягкие, плавные, даже слащавые. Типичный ловелас и покоритель женских сердец. Ему бы править собственным гаремом, а не страной. Как показала жизнь после смерти рея – его отца, правитель из Кирана даст ир Дюпри как из меня фрэйлина рейны. Так себе правитель, в общем.

– Расскажите мне о предмете вашей беседы с фрэйдан Амандрин.

– А что рассказывать? Вы, ваше высочество, делаете из людей воров, чтобы казнить их.

– Вот как? – мужчина в изумлении вскинул брови и осадил рванувшихся в мою сторону стражников, неотступно следовавших за нами. – Господа, если понадобится ваша помощь, я обращусь. И зачем, позвольте узнать, мне это нужно?

– Не думаю, что вы понимаете, что делаете, – без задней мысли ляпнула я.

– Выходит, принц, по вашему мнению, глуп? Или вовсе дурак? – мужчина рассмеялся и двинулся в сторону выхода из дворца. Пока он открыл для меня двери – лихорадочно соображала, как бы выкрутиться из ситуации. Но решила, что не стану выкручиваться. Я не я, если буду врать и лебезить. Скажу все, как есть. Если принц на самом деле не глуп, он сделает выводы, которые могут изменить жизнь тысяч подданных.

– Выходит, что так, – заключила я, но тут же поправила. – Если делает это сознательно.

Мы вышли в сад, утопающий в огромном количестве цветов. У меня даже дух захватило. Подобной красоты я прежде и не видела. Здесь было все: и орхидеи, и олеандры, и магнолии, и экзотическая юкка, и дурашливая повилика, цепляющаяся за прутья белоснежной беседки, и простодушная ромашка, и благородные пионы, томно склонившие свои пышные головки к мраморной лавочке, и царственные георгины, едва касающиеся листвой искрящейся на солнце воды в фонтанчике. Удивляло, что цветы, которым положено распускаться в разное время года, цвели одновременно, даря воздуху головокружительно сладкий аромат очарования и восторга. Вокруг порхали пестрые переливающиеся на солнце бабочки, дивные птицы, которых я прежде никогда не слышала, дарили удивительнейшую нежную музыку нашим ушам.

Раскрыв от восторга рот, я глядела по сторонам, физически ощущая, как глаза блестят, словно два крупных драгоценных камня.

– Обалдеть! – закинув голову, любовалась красотой и, не удержавшись, завизжала от восторга. – Красотища-то какая, ваше высочество!

Я кружилась между цветов, то нюхая некоторые из них, то осторожно проводя пальчиком по удивительным пестрым лепесткам.

– Неужели вы прежде не бывали в садах?

– Бывала, – едва не задыхаясь от восторга, я улыбалась, словно ребенок, который получил на рождество запеченного целиком окорока. – Но такого... такого...

Слов не хватало, потому я широким жестом показала на красоту вокруг и засмеялась тем самым собачьим смехом. Слова преподавательницы по этикету всплыли незамедлительно и, прикрыв рот ладошкой, я вмиг стала серьезной. Отчего-то сейчас, рядом с принцем – спокойным и величественно задумчивым, в таком красивом месте хотелось стать лучше. И мой смех, непринужденный, дикий и открытый казался неуместным.

– В чем дело?

– Мой смех. Неподобающий при дворе, – процитировала фрэйдан Амандрин.

– У вас замечательный смех, – возразил принц, с загадочной полуулыбкой разглядывая меня.

Никак не могла его раскусить. Внешне – спокоен. Но там, внутри, за мерцанием прозрачно-голубых глаз скрыта какая-то тайна. Словно за этим спокойствием живет такой же как я озорной малец, сдерживаемый лишь необходимостью вести себя, согласно этому дурацкому этикету. Неужели и я должна стать такой же? Заглушить свою глупую жизнерадостность и превратиться в статую?

Смутившись столь откровенного разглядывания, потянулась за красивым цветком.

– Можно? На память...

– Не стоит, – резко ответил принц.

– Жмот! – едва слышно произнесла я, закатив глаза.

Но его высочество услышал и прокомментировал:

– Не в этом дело. Цветок ядовит. Оставляет ожоги на пальцах, вот такие волдыри. Страшно чешется потом.

– Говорите так, словно имели дело прежде.

Загадочно пожав плечами, мужчина улыбнулся. Ага. Все ясно. Видать для зазнобы какой букетик собирал.

– Для вас я бы выбрал вот этот цветок, – он сорвал стебелек горечавки и протянул мне.

Растерянно хлопая глазами, приняла нежно-голубой цветок с крупными колокольчиками и глупо улыбалась. Кажется, начала поддаваться очарованию принца.

– Он невзрачен и прост на первый взгляд, но при ближайшем рассмотрении открывается удивительная картина. Уверен, вы еще всех сразите на этом отборе.

– Ага, наповал, – не удержалась я и вновь рассмеялась. По-своему, на этот раз совершенно не стесняясь. Губы принца тоже тронула улыбка и в хорошем расположении духа мы дошли до беседки.

Принц не пустил охрану внутрь, решив остаться со мной наедине. Помог устроиться за столиком, щедро накрытым легкими закусками и фруктами. От такого обилия еды я разве что слюной не подавилась. Едва удержалась, чтобы не наброситься на фрукты, которых не ела, кажется, уже лет десять. Бросая жадные взгляды то на принца, то на яства, я, наконец, получила приглашение к столу.

– А что это? – указала на порезанный кусочками желтый фрукт. Пах земляникой со смесью цитруса.

– Ананас, – удивленно заметил принц. – Разве вы никогда не ели?

– Да я даже не видывала таких. А это?

– Манго. Персики. Финики. Выбирайте, что нравится...

Я, не стесняясь, навалила на тарелку разных фруктов и принялась есть прямо руками. По щекам стекал пряный сок, а губы слегка жгло.

– Какой интересный вкус, – улыбаясь во весь рот и вытирая сок рукавом, заметила я.

– Вы еще научитесь всему, фрэйни, но, возможно, вам удобнее будет воспользоваться салфеткой.

Жгучий стыд залил щеки. Я вела себя так, словно находилась в монастыре, с парнями, где можно не думать об этикетах, быть собой, есть как удобно и прямо руками.

– Извините, – смутилась, отодвинув угощения.

– Вам не за что извиняться. В вашем кругу не учат этикету, – расправляя салфетку и заправляя за воротник, пояснил принц. Я последовала его примеру и вновь получила насмешливое замечание:

– Дамы предпочитают класть салфетку на колени, чтобы уберечь платье.

Выдернула салфетку и положила на брюки:

– Да, я не образованная, – гордо вскинула голову. – Зато честная.

– И воровали тоже честно, – заметил принц, поглаживая губы указательным пальцем и загадочно меня разглядывая. Ну, нахал. И он туда же? – Не пробовали устроиться на работу?

– Знаете что, – едва подавила желание плеснуть нахалу в лицо соком и гордо удалиться, но сдержалась. Будет лучше придерживаться первоначального плана. Он вроде не такой уж плохой человек. Заносчивый, но не плохой... – Я работаю... работала на трех работах. До обеда – грузчиком на рынке, до вечера – мыла горшки в детском саду и посуду, а ночью – мыла полы в городской больнице. Мой доход со всех работ за месяц – пять золотых.

Про заработок на нелегальных уличных боях сообщать поостереглась. Но, даже вместе с ним выходило не больше шести.

– Пять золотых? – удивился принц. – И, позвольте узнать, почему вы работали грузчиком? Женщинам запрещено заниматься тяжелым физическим трудом.

– А вы видите во мне женщину? – мало кому удавалось отличить меня от парня. Принц задумался. – К тому же, за тяжелую работу больше платят. Ненамного, но все же.

– С другой стороны, двести медяков... И сколько это получается в перерасчете на хлеб?

– Увы, я не владею арифметикой в должной степени. Но его высочество, должно быть, не знает, что хлеб стоит пять медяков.

– Сорок буханок хлеба, – отправляя в рот виноградину, задумался он. – Достаточно, чтобы прокормиться.

– И как давно наш принц питался одним лишь хлебом? – возмутилась я. Беру свои мысли обратно – он полный идиот. Мужчина замолчал и внимательно слушал. – Вы знаете, что от такого питания через месяц начинается истощение? Худоба в теле, а живот – распухает. Вот такой становится. Вы видели детей с такими животами?

– Да. Советник говорит, они такие от ворованной еды становятся.

– Я бы этому вашему советнику яйца... – осознав, что и кому хотела сказать, исправились, – яйца бы одни на завтрак подавала! Детям приходится есть суп из лебеды, салат из крапивы, питаться почками деревьев и дикой редькой! Матушка настоятельница говорила, что у них в животике скапливаются газы из-за гниющей зелени и от этого они в итоге умирают. А не от ворованной пищи, как выражаются ваши зажавшиеся прислужники! Сорок булок хлеба приведут к тому же исходу! Молоко стоит девять медяков, рыбы или куриные обрезки – по десять. А кроме еды нужна одежда, медикаменты, мыло, хозяйственные средства... пять золотых – это издевательство, ваше высочество. И не остается ничего иного, кроме как воровать. Амбары графа Иктиона завалены едой. Она гниет. Ее растаскивают крысы в то время как дети в приюте умирают от голода. Я не говорю о себе, не жалеюсь. Привыкла, что на рынке можно добыть гнилых яблок и почти свежей куриной обрезки, но дети... и это – ваша вина!

– Моя?

– А чья же? Вы устанавливаете все эти законы, которые заставляют людей умирать с голоду и воровать. И, знаете что? Не хочу я этих ваших сононасов и репсиков. Мне все это не надо. В то время, как мои друзья умирают с голоду, я не могу здесь предаваться радостям жизни. Я хочу уйти. Сейчас!

– Хорошо. Моя стража вас проводит, – задумчиво произнес принц, провожая меня взглядом.

На выходе остановилась и обернулась:

– Знаете, почему говорят, что у бедняков говно не пахнет?

Глаза принца округлились.

– Подумайте об этом на досуге. Может, появятся умные мысли на этот счет. Всего вам хорошего, с вашими репсиками и манками, – я кивнула в сторону фруктов, сглотнув слюну. Да, есть хотелось жутко, но гордость и самоуважение куда важнее набитого желудка.

Внутри все кипело от негодования. Идиот! Делает вид, будто ему все это неизвестно. Будто люди виноваты в том, какие в стране законы, налоги и цены на продукты!

– Да как можно этого не знать? Не на другой же планете он живет, выезжает из дворца, видит все. Что, раз лосины нацепил, так и мужиком быть перестал? – бурчала я себе под нос, пока стража меня куда-то вела. Точнее сказать – конвоировала. Меня обступили с четырех сторон, чтобы, упаси богиня, я чего не сломала или кому не нагубила. Сдается мне, кто-то подсуетился на этот счет. Уж не адаптант ли Миргас?

– Я весь такой таинственный, молчаливый и обаятельный, от меня исходят волны уверенности и силы, я терпелив. Но не настолько, чтобы терпеть в стенах дворца взбалмошную особу. Лучше втихую передам страже, чтобы следили за шаловливыми ручонками. Да я в жизни ничего не сломала! Ну, кроме этого старого канделябра, который и до меня-то неважно выглядел. Можно сказать, я спасла жизнь какой-нибудь рахитичной девице! Того гляди, свалился бы на ее светлую и нежную головешку! – оправдывалась перед самой собой.

Наконец, мой путь был завершен и передо мной открыли двери.

– Ага, боитесь, что ручку отломлю, да? – съязвила я, но каменные выражения лиц охранников даже не дрогнули. Складывалось ощущение, что мужчины вообще глуховаты. На самом деле мне стало обидно. Это же очевидно – я не вписываюсь ни в местное общество, ни в местный интерьер. Как лошадь, которую завели в прекрасную гостиную титулованной фрэини. Это как сад принца: вокруг красивые цветочки, но коснись – и оставят волдыри и ожоги на пальцах.

Но, если я росла и воспитывалась по другим правилам, не научилась высмеивать других лишь потому, что они не такие, как я, это не значит, что местное общество лучше и может демонстрировать свое превосходство. Ничего. Я им еще всем нос утру и покажу, кто такая Долорес Савойи!

Я триумфально улыбалась собственным мыслям, стоя посреди комнаты и лишь когда приняла решение показать всем, где зимуют земноводные, осознала, где нахожусь. Стояла посреди комнаты, больше напоминающей музей: на стенах диковинные обои из мягкой блестящей ткани с золотистыми ниточными узорами, на окнах – нежная струящаяся в пол ткань, под стать обоям, мебель обита кремовым бархатом, а подлокотники явно позолоченные. Столики и тумбочки отполированы так, что в них можно смотреться вместо зеркала, что я и сделала. На столиках золоченые торшеры, фарфоровые вазы с причудливой лепниной и тугими букетами пионов. На полу – белоснежный пушистый ковер, по которому я прошлепала прямо в грязных ботинках. Опомнилась и тут же разулась. Хотя, ноги мои были не намного чище.

Мыться я не любила. Пока нагреешь воду на огне, пока натаскаешь в железных тазиках в ванну, пока залезешь – она уже остыла. Когда повысили цену на магическую энергию, монастырь перестал закупать горячую воду из центрального водопровода, которая подогревается и доставляется по трубам магией, потому матушка настоятельница любила повторять: трудности закаляют душу и характер. Не знаю, что там у нее закалялось, но лично у нас – только тело. Попробуй помойся в ледяной-то воде. Поэтому раз в месяц я бегала к своей подруге – Грендолин. Она работает горничной в доме одного богатого купца и, когда тот уезжал в столицу за покупками, вся наша компания, по одному ходила в его душевую кабину намываться. Жаль, счастье продлилось недолго. Через несколько месяцев управляющий именем заметил

это благородное дело, да как появился ко мне в душевую кабину, в чем мать родила. Мол, любишь помыться задарма, так и заплати, чем имеется. А, коли кроме тела ничего не имеется, то им и плати. И я заплатила телом. Сполна, в общем-то, но, видимо, не той частью, на которую намекал управляющий. Не знаю, будут ли у него дети, но привлекательность для женщин его отвратительная физиономия утратила на долгие месяцы.

Я рассмеялась, вспомнив растерянность мужчины после первого удара по достоинству, которое и достоинством-то назвать нельзя. Не то, что у адаптанта! Того природа не обделила!

Я сделала кружочек по богато обставленной гостиной и задумалась: к кому же меня привели и почему никто не выходит и не приходит? Стала рассматривать двери. Возможно, это комнаты других участниц? Может нам удастся подружиться? Я постучала в первую – тишина. Постучала сильнее – молчат.

– Девчонки! Я новенькая! Выходите, познакомимся! – постучала в другие двери, но и там не открыли. В последнюю стала откровенно долбиться. Ну, должен же здесь хоть кто-то быть!

За этим делом меня и застал незнакомый молодой человек:

– Фрэйни, что вы делаете?

– Хочу познакомиться с другими участницами, но они почему-то не открывают. Странные какие-то, – я пожала плечами. – Недружелюбные.

– Эта дверь ведет в туалетную комнату, – смущенно обозначил он.

Я посмотрела на белоснежную деревянную дверь, украшенную позолоченными вензелями и картинами дивных садов, а затем на присутствующего молодого человека и рассмеялась, полагая, что он так пошутил:

– Ну и шутки у вас тут при дворце.

– Никаких шуток, фрэйни. Здесь, – он открыл двери и показал мне убранство туалетной комнаты, – вы можете приводить себя в порядок. Здесь, – он открыл дверь в другую комнату, – ваша гардеробная, а здесь, за третьей дверью – ваша спальня.

Я смутилась и устыдилась собственной глупости. Опять та же проблема: не могла дернуть за ручку? Хотя матушка настоятельница всегда говорила, что входить без стука неприлично. Я, конечно, этикетов не знаю, но элементарным правилам приличия все же обучена. И они сыграли против меня же. Второе, за что уцепилось сознание:

– Прости, ты сказал – моя?

– Да. Это ваши апартаменты. Все участницы размещены в одинаковых. Они вам не подходят? Если есть какие-то пожелания, насчет дизайнера интерьера, цвета обоев, текстуры тканей и прочего, я готов выслушать и передам их распорядителю отбора. Он посмотрит, можно ли что-то сделать.

– Да иди ты! – обалдела я от такого поворота событий.

– Куда? – не понял молодой человек.

– Ну, это в смысле – «уау». Офонареть! А где другие девчонки, мне не терпится подружиться! Я ведь не одна?

– Нет, разумеется, – парень смущенно улыбнулся. – Вы тринадцатая. Только вас и ждали. Остальные тут почти две недели.

– Ого, – присвистнула я, закатив глаза. – Поди, уже обжились.

Парень мне сразу понравился. Копна непослушных русых кудряшек на голове, добрые серые глаза, нос чуть картошкой, но кто из нас не без изъяна? Главное – лицо открытое и доброе. А, если есть доброта, то она и внешность делает приятной. Парнишка одет не богато, хотя, как и принц, в смешных лосинах, а на плечах ткань собрана фонариками. Я разглядела гостя внимательно и снова рассмеялась, чем немало удивила присутствующего:

– Это смех у меня такой. Не нравится?

– Необычный, – сознался он. – Леди при дворе либо не смеются, либо смеются не громче, чем «журчание ручейка», – он явно цитировал фрэйдан Амандрин, и мы на этот раз рассмеялись оба.

– А ты кто вообще будешь? Я могу сесть?

– Садитесь, фрэйни, это ваши апартаменты.

Я отряхнула штаны на заднице, чтобы не запачкать светло-кремовый диванчик и плюхнулась на него, показывая, чтобы парень сел рядом:

– Садись, в ногах правды нет.

– Извините, но слугам присаживаться в покоях господ не положено. Я всего лишь служка распорядителя отбора и принес вам информацию.

Он положил передо мной на журнальный столик стопку книг и брошюр. Поверхностно глянув на названия, я хмыкнула: «этикет», «как стать настоящей леди», «как сразить принца»... Последнее особо улыбнуло. Как-как? Хук справа и принц сражен. Наповал. Хихикнув, я снова обратилась к парню. Коли он единственный, кто обратил на меня внимание и соизволит разговаривать, решила узнать побольше. Читать я любила, но, признаться, читала плохо и медленно. В монастыре не много книг, но среди них была одна, моя самая любимая, которую я помнила почти наизусть: «Малахит». Это волшебная история про дракона, после которой я стала грезить этими удивительными созданиями. Надеюсь, принц покажет своего дракона!

– А как тебя зовут, служка?

– Если фрэйни угодно, то Венцеслав.

– А, если не угодно?

– Если не угодно, то «эй ты» или «поди сюда, кудрявый», – он отвесил мне поклон с невозмутимо серьезным видом, от чего у меня брови на лоб полезли.

– И ты позволяешь так с собой обращаться?

– Как же не позволять? Вы господа. Обращаетесь, как вздумается, а нам должно вас уважать.

– Чего-о? – протянула я недовольно. – С какого перепугу? Да, если меня кто-то не уважает, я ему в лучшем случае в лицо плюну, а, если тому не повезет, еще и в глаз дам.

– Господам это позволено, – печально вздохнул парень.

– Так, а я тут при чем? Я обычная уличная девка. Да садись ты уже, в ногах правды нет! Поболтаем, а то скуотища тут такая!

Парень замешкался, обернулся на дверь и присел на самый краешек дивана, поодаль от меня.

– Да нормально садись! – я толкнула Венцеслава, от чего тот потерял равновесие и неловко развалился на сиденье. – Ну вот, другое дело!

Мы оба улыбнулись и, сев поглубже, служка протянул:

– Удобно.

– Ага, жопкина радость! – гоготнула я. – Никогда на таких не сидела. Ну, рассказывай. Чего это меня к господам причислили и с кем из конкурсанток я могу подружиться?

– Вы, фрэйни, и все участницы теперь относитесь к членам королевской семьи, пока на вас метка богини. И обращаться с вами подобает как с господами, по статусу. А с другими участницами вы вряд ли подружитесь. Они давно здесь уже. Со мной, кроме вас, никто даже и не разговаривает. Получают от меня книги, задания, приглашения на приемы и выпроваживают вон. Еще и шлепка могут дать.

– Я б им показала, где земноводные зимуют! Только скажи, кто тебя обижает – я ему начищу шею, понял? Я серьезно! Ты теперь под моей защитой. Если служка, да ростом не вышел – это не значит, что можно обижать. Так вижу, ты парень добрый.

– Вы тоже, фрэйни, добрая. Первая, кто со мной разговаривает. А! Мне ведь велено передать, что через полтора часа вас ожидает ужин. За полчаса придут камеристки и помогут вам облачиться.

– А что со мной не так? – я посмотрела на свою одежду и почесала затылок.

Ну, да, не помешало бы постирать штаны, да отгладить. А на коленке вон снова прохудилась ткань. Потом вспомнила, где нахожусь. Неужели они и меня планируют замотать в кучу ткани? Я хоть не упаду под такой тяжестью-то? Помотав от ужаса головой, снова уставилась на парнишку.

– Расскажешь про отбор?

– Ну, а чего рассказывать? Долго вас искали, фрэйни. Думали уже, что не найдут! После прошлого отбора меткой-то не особо щеголяют.

– А что не так с прошлым было?

– Фрэйни не читает газет и не слушает телепатоговоритель? – я отрицательно помотала головой. – Ох. Так ведь, когда рейна внезапно погибла, рей Не-Рхи объявил отбор, во время которого и скончался. Девушек распустили. Принц был слишком молод, чтобы восходить на престол, правил регент – генерал Ардинант. И вот, в прошлом году принцу исполнилось двадцать пять и появились девушки с метками. Тогда созвали новый отбор, в результате которого была выбрана победительница. Уже думали, что она и станет рейной, но победительница скончалась во время ритуала адаптации природной энергии от неизвестной магической болезни.

– Так вот почему цены на магию так бешено выросли? Мы хотели скинуться и купить детишкам приюта магический показыватель, ну, чтобы картинки рисованные с голосом смотреть могли...

– Мульттики?

– Ага. Так как узнали цену на это дело – чуть на задницу не сели прямо в магазине. Ну, зато обувь всем купили! Куда практичней, чем показыватель. Так что там, с магией?

– Артефакт наш, что природную энергию собирает, полностью заряжен, того и гляди – рванет. Адаптант делает, что может, но без полноценного ритуала, сами понимаете, и страна в опасности, и магической энергии раз, два и обчелся. Не хватает на все. Даже во дворце экономя.

Теперь стало понятно, почему на стенах висели канделябры, а не магические светила. Видать, достали старье из каких-нибудь хламовых ящиков, да повесили. Магической энергии-то нет, а у нас, почитай, все королевство на ней держится. И пищу на магических плитах готовят, и вода подогревается магией, и телепатоговорители работают от магической энергии, что по проводам идет, и многие другие магические артефакты. А как без нее? Без нее и массовое производство встанет, а это прямой путь в кризис, голод и безработицу!

– В общем. Ждали, ждали, когда богиня пошлет следующих претенденток. Месяц назад нашли первую девушку, в течение двух недель – еще одиннадцать, а тринадцатой все не было. А без всех, сами знаете, отбор не начать. Но, наконец, нашли и вас, по счастливой случайности говорят.

– Ага. Очень счастливой. Мне как раз голову рубить собирались, – усмехнулась я к существу ужасу парня. – Огорока украла, да крупы немного, чтоб малышей в приюте прокормить. Долго рассказывать. Значит, говоришь, несчастья преследуют эти отборы?

– Да. Словно кто-то напасти посылает. По секрету вам скажу, уже две участницы переболели какой-то магической болезнью неизвестной! Но адаптант их спас. Поговаривают, едва...

– Ну дела. А принц не может взойти на престол один, да жениться на ком хочет? К чему такие сложности с отбором? Я слышала про эти метки богини, но... К чему это все?

– Вы что же, совсем ничего не знаете? – я пожала плечами. – Тяжко вам будет, фрэйни, на отборе. Вы хотя бы книжечки почитайте. Это же богиня определила. Да и не может он,

на ком хочет. Будущая рейна должна быть со способностями! А хотите... секрет расскажу? – он добавил последние слова шепотом и снова обернулся на дверь. Вот, что я любила по гроб жизни, так это секреты, а потому придвинулась ближе и усердно кивнула. – Хотя, лучше не надо... если узнают, что проболтался...

– Клятву дадим! – заверила я.

– Магическую?

– Магическую не знаю. Давай мизинцы, – служка не сразу понял, что от него требуется, но мы, наконец, сцепились мизинцами, и я стала его учить: – повторяй за мной. Вот так вот скрещиваем руки и говорим: раз, два, три, четыре, пять, кто станет болтать, тому яйца оторвать!

На последних словах клятвы парень побледнел.

– Ну, повторяй! Кто проболтается – без яиц останется!

Служка смущенно повторил клятву и, когда мы разомкнули мизинцы, приблизился и шепотом мне сказал:

– Поговаривают, что принц вовсе не принц!

– Это как так?

– Ну, вы же знаете, у рея с рейной только один ребенок был. Мальчик. Никто его никогда не видел, потому что его не показывали.

– Оспой что ли переболел? Или урод какой?

– Богиня с вами, фрэйни. Красавец, поговаривают.

– Откуда знают, если никто никогда не видел? – Венцеслав пожал плечами и продолжил.

– Слухами земля полнится. Рейна-то от неизвестной магической болезни скончалась. Рей – тоже при странных обстоятельствах. Потому, говорят, до ритуала принца принцев двойник заменяет! А не то не приведи богиня, смертоубьют раньше времени и принца нашего, тогда конец Ла Эль Дероси! На коронации-то истинный наследник должен быть. Вот там его и могут достать.

– Ну, подумаешь. Нового потом посадят, не велика беда! Я в книжках читала, вон в Рагнессии, например, вечные дворцовые перевороты, то одни правят, то другие! И все странно помирают. Кто отравится, кто утопнет, кто уснет и не проснется...

– Так в Рагнессии нет магического артефакта! А у нас – есть. Даст ир Дюпри его хранители и только они могут преобразовать природную энергию в магическую. Так испокон веков повелось и других монархов у нас не бывало. Напасти, в общем, какие-то творятся, – парень хотел еще что-то рассказать, но резко свернул тему разговора и поднялся. – Я уже и без того вам очень много рассказал. Вы уж меня, фрэйни, не подставляйте...

– А клятва-то на что? Это святое!

– Спасибо. Добрая вы. Хорошая. Жалко, если и вы во время отбора чем-то заболите. Берегите себя...

– Уж за это не беспокойся! – пообещала я, помахав парню на прощанье.

Да уж, ну и дела. Не знала, что во дворце такие кошмары творятся. Принц не принц, а двойник! Надо же такое придумать. А где тогда, настоящий принц? И почему-то надо ритуал совершить именно до коронации. Все чуднее и чуднее. А, если, не дай богиня, я выиграю, это что, получается, могу во время ритуала помереть? Впрочем, все лучше, чем без головы остаться. Во дворце, по крайней мере, интересно, кормить будут и... есть горячая вода!

За последнюю мысль я и зацепилась. Приоткрыла дверь в ванную комнату, до конца не веря, что там именно она, усмехнулась и с наслаждением открыла кран с горячей водой. До чего же приятно! По телу пробежались мурашки. Заткнув дырку в ванне, я включила воду, разделась и забралась с одной из книжек в фарфоровую посудину. Ну, прямо как настоящая госпожа! Госпожа Долорес Савойи. Хи-хи...

Прежде, чем тереть себя щеткой, решила хорошенько откиснуть и дать присохшей грязи разопреть, потому открыла книжку и принялась читать. Мне попала история Ла Эль Дероси.

– Ко-гда бо-гиня Де'кри со-зда-ла Ла Эль Де-ро-си, – читала я по слогам, громко и вслух, – то на-де-ли-ла ее пра-ви-те-лей да-ром под-чи-нять при-род-ну-ю э-нер-ги-ю.

Прочитав предложение, решила перевести дух. Да. Семьсот с лишним страниц такими темпами я буду читать, как минимум, лет десять, потому решила пролистать и разглядывать картинки. Читать подписи под ними оказалось куда увлекательней. Я узнала, что богиня не только даром правителей наделила, но и подарила им родовой артефакт – книгу, которая собирает в себя лишнюю природную энергию, оберегая страну от природных катаклизмов. Вот, почему в Сенсории землетрясения начались? С глав артефактом нелады.

Книга повествует о богине Де'кри, ее делах, добрых и не очень, о порядках, которые она установила для каждой страны, за которой присматривает. Такой порядок установлен и для Ла Эль Дероси. Правящая чета, по мере заполнения артефакта энергией, должна преобразовывать ее из природной в магическую. Это требует огромных сил и умений, потому к выбору супруга для будущего правителя богиня подходит крайне ответственно, отмечая кандидатов своей меткой. На картинке я увидела, как выглядит отметина на моей шее: голубь с поднятыми кверху крыльями в круге.

– Красота-то какая, – я разглядывала глянцевою картинку, проводя по ней пальчиком, когда услышала шум из гостиной. – Кто там?

– Фрэйни, это камеристки. Мы принесли вам одежду. Адаптант Миргас велел спускаться в этом к ужину.

И раздалось приглушенное хихиканье. Должно быть, смешливые у меня камеристки, но зато заботливые:

– Спасибо. Я скоро выйду.

Отложила книгу и принялась усердно тереть себя щеткой с мылом. Отмыла до скрипа волосы и, когда спустила воду, была неприятно удивлена количеством оставшейся на дне ванной грязи. Пришлось и ее соскребать, а то увидит кто, засмеют!

Заматавшись в полотенце и решив, что одежду постираю после того, как покушаю, вышла в комнату. Действительно, на кровати лежал наряд для ужина. Я несказанно обрадовалась, что адаптант учел мои предпочтения в одежде. На дорогом сатиновом покрывале лежал простой набор: юбка-карандаш, белоснежная блузка, жакет и какие-то связанные прозрачно-белые ленты. Должно быть, новые банты. На полу стояли черные туфельки, как раз моего размера, на невысоком каблукке-рюмке. Я залезла в них первым делом и с важным видом дефилировала по комнате.

– Тыщ-ты-дыщ, тыщ-ты-дыщ, – я изображала манекенщиц, которые ходят под музыку в красивых нарядах по подиуму. Проходило у нас как-то в городе дефиле местных дизайнеров. Жутко важные, длинные и худющие дамы со скучающими выражениями на бледных лицах ходили именно так: выпучив вперед бедра и сделав губы по-утиному. Вдоволь насмеявшись и накружившись в туфлях, я глянула на часы. До ужина оставалось всего пятнадцать минут, а я с сырыми волосами и не одета!

С одеждой справилась быстро. Больше времени ушло на волосы. Они у меня почти до пояса и настолько густые, что я уже кучу расчесок переломала. Такие за две минуты не уложишь! Приличную щетку нашла в спальне, на столике с зеркалом. Столик, кстати, был уставлен разными склянками с порошками и душистыми водами. Поборов желание все это рассмотреть и попробовать, занялась волосами. И так уже опаздывала. Управилась как раз к семи. Заплела два дракончика, а кончики кос украсила бантами, предварительно разрезав их как раз по центральной линии. Как у них тут во дворце все продумано! И линии, по которым резать надо, отмечают! Вот, что значит, забота о господах. Для обычных людей такого, почему-то, не делают.

Посмотрелась в зеркало на шкафу в гардеробной комнате. Выглядела хорошо: на щеках – румянец, чистая, помытая, каштановые волосы блестели. Поправила бантики, чтобы выгля-

дели более пышными, отогнула воротничок белой блузки и манжеты. Все сидело как надо. Черная юбка до колена, идеально обтягивала бедра, а жакет точно по талии. Не удержалась и подпрыгнула, хлопая от радости в ладоши. Таких нарядов у меня еще не было!

Поскольку за мной никто не пришел, отправилась на поиски столовой самостоятельно. Слава богине, я не в монастыре. Думаю, во дворце опоздавшим все равно на раздаче что-нибудь да останется!

– Здрасьте. А где здесь столовая? – спросила первую попавшуюся даму. Окинув меня презрительным взглядом, она поправила:

– Во-первых, разрешите обратиться, фрэйни!

– Разрешаю, чего уж там, – усмехнулась я. – Так, где столовая-то?

Закатив глаза от негодования, женщина ткнула веером в сторону соседнего коридора и, раскрыв опахало, стала обмахиваться. Странная какая. Вроде не особо жарко, вспотела что ли? Впрочем, не удивительно, ведь она то ли в ковер завернута, то ли в тяжелые дворцовые шторы. Не по погоде одета явно.

Шла по указанному коридору, то и дело натываясь на девушек в такой же одежде, как у меня. Должно быть, тоже конкурсантки, все в одинаковой форме, чтобы честно было:

– Уже поели? – поинтересовалась я. – Быстро вы.

Но мне не отвечали, только смотрели сначала недоуменно, а потом вообще хихикали. Прав был Венцеслав – странные они тут все, неприветливые. До самой столовой дошла молча, только оказалось, что это не столовая, а кухня:

– Здравствуйте, а где столовая? – я обратилась к высокой худой женщине, в таком же, как у меня костюме, но темно-синего цвета. Она, подтолкнув указательным пальцем очки-дольки на переносице, с недовольством посмотрела на меня.

– Где твои чулки?

– Кто?

– Чулки! – она показала на мои ноги. Чулков я отродясь не видывала. Это забава для богатых, из разряда лосин. Я пожала плечами. Тогда женщина повелела взять поднос с маленькими кусочками еды, надетыми на зубочистки и скомандовала:

– Прямо и направо.

– Хорошо.

Я подхватила поднос и понесла, услышав вслед:

– Что у тебя на голове?

А что? Ну, да, у меня одной бантики. Но ведь так красивее! Сомневаюсь, что это как-то нарушит условия равенства на конкурсе. Наверняка, кто-нибудь из богатых участниц надел сережки или нацепил брошку. Наконец-то я увижу всех.

Пошла прямо, повернула направо. Каменные изваяния-слуги в смешных седых париках открыли передо мной двустворчатые двери. Я поправила косички, переложив их на грудь, чтобы было видно нарядные банты, и улыбнулась. Как говорила матушка-настоятельница, улыбка – лучший способ подружиться и произвести хорошее впечатление.

– Спасибо, – кивнула я, когда передо мной раскрыли двери. Какие молодцы! Видят, что с подносом и неудобно самой открывать.

Прошла внутрь. Участницы действительно все были в сборе и с моим появлением, как одна замолчали. Я моментально приковала к себе внимание, словно являлась диковинным цветком посреди поля лебеды. Быстренько сосчитала – двенадцать. Тринадцатый стул пустует, видимо, мой. Пришло осознание, что те, кого я встречала по дороге в столовую, вовсе не участницы. Заметила, что две других девушки, в одежде, как у меня, прислуживают за обедом, а все участницы разодеты, словно фарфоровые куклы, в шикарные длинные платья, сверкающие камнями и вышивкой.

– Привет, девчонки. Кому поближе поставить? – решила проявить дружелюбие, но в ответ получила сдавленный смех. Некоторые удивленно перешептывались, а две блондинки веселились больше остальных. Я застыла не хуже слуг при дверях, не зная, что мне делать и почему все смеются. Даже принц, который сидел во главе стола, едва сдерживал улыбку.

– Вы что творите, фрэйни? – раздался за спиной спокойный и негромкий голос адаптанта.

– А что?

– Во-первых, поставьте поднос, а во-вторых, почему на вас форма прислуги? – сказано это было шепотом, никто не мог услышать, но, судя по всему, расстройство на моем лице привело присутствующих дам в полный восторг и с безобидных смешков они перешли на открытый хохот. Посмеивался даже принц, хоть и прятал свой смех в кулак.

На глаза набежали слезы. Выходит, меня просто обманули? Посмеялись? Я окинула присутствующих непонимающим растерянным взглядом. Ведь мне просто хотелось подружиться. Что я им сделала? За что они так со мной?

– Еще и чулки на голову натянула! – громко заметила одна из блондинок и разразилась очередной волна хохота.

– Вы же сами... передали... на кровати лежала одежда от вас, и, чтобы... – я размазала свободной рукой скатившиеся по щеке слезы и, понимая, что адаптант вовсе ни при чем, не в силах больше выдержать позора, поставила поднос на тумбочку возле стены, развернулась и бросилась бежать, куда глаза глядят.

Бежала интуитивно, хотя казалось, что отовсюду доносится злорадный смех, везде мерещились оскалы разодетых дам, бросающих мне в лицо обиды. Почувствовав дыхание свежего вечернего воздуха, выбежала на улицу. Дорога уводила в дворцовый парк. Я бежала, пока не запыхалась. Прижавшись спиной к грабу, размазывала по щекам слезы и громко всхлипывала. Дура. Какая же я идиотка! Хотела подружиться, а девочки оказались настоящими змеями! И ведь я же знала, что не гожусь для дворца. Ну, какая из меня рейна? Никакая. Сразу видно. Нет, дала над собой поиздеваться. Как только увижу принца, потребую вернуть меня назад, и плевать на слова адаптанта, что меня казнят. Не казнят! Поймать себя не дам.

Рыдая, я сорвала с себя бантики, по нелепой случайности оказавшиеся чулками и бросила в траву.

– Фрэйни Савойи, вернитесь! В парке вечером небезопасно!

Охрану за мной отправили. Плевать. Мне надо побыть одной и поплакать вволю. Я снова побежала и, заметив охранника, идущего наперерез, резко рванула вправо, запнулась и с громким визгом упала в какую-то яму, которая и не ямой вовсе оказалась, а глубоким лазом. Я катилась кубарем все ниже и ниже, пока не стукнулась лбом обо что-то твердое и не остановилась.

Темно, пахло сыростью и плесенью, откуда-то веяло прохладой.

– Кто здесь? – раздался глубокий, нечеловеческий голос и в крошечной тьме промелькнул сверкающий огромный глаз, размером с мою голову. Я подпрыгнула, не то от страха, не то от неожиданности.

– Ма-ма, – только и смогла протянуть, отползая подальше от глаза.

– Чья мама? – уточнил голос, а глаз приблизился.

– Мама! – громче повторила, пытаясь рукой нащупать что-нибудь, чем можно защититься. Палку, камень, на худой конец.

– Это я уже понял. Но так и не понял, чья...

Голос сник. Грустный такой. И глаз при спокойном рассмотрении не вызывал опасений за свою жизнь. Глаз исчез, но тут же появился другой. И тут меня осенило, что это не летающее одноглазое чудовище, это же...

– Дракон! – воскликнула я восхищенно. В подтверждение моих слов дракон плюнул огнем. Не в меня, слава богине, но обдало жаром, будь здоров, аж подмышки вспотели. – Ух ты! Здорово-то как! А вы, правда, дракон? Не сфуйфер, не крюгер или кто там еще?

– Правда, дракон, – подтвердил присутствующий и снова плюнул огнем.

На этот раз образовалась небольшая сфера, которая осветила округлую пещерку и моего собеседника. Он был прекрасен! Даже лучше, чем на ярких картинках в книгах. Изумрудно-фиолетовая голова, на загривке усыпана бугорками-наростами в два ряда, изумрудное тело, крылья, на конце покрытые золотыми чешуйками и фиолетовое брюшко, развалившееся на камнях.

– О-фо-на-реть! – еще раз восхитилась я. – А можно вас погладить, фрэйн дракон?

– Фрэйн дракон? – изумился тот, приподняв брови и пробуя на вкус обращение. – Фрэйн дракон...

– А как вас называть?

– А ты бы как хотела?

– Ну... допустим, Малахит! Вы такой же красивый и редкий! И я книжку читала про дракона Малахита.

– Я красивый? – снова удивился дракон.

Я кивнула, протягивая руку к его морде. В затычном прыжке, я едва бы и до подбородка его достала, но Малахит нагнулся, позволяя провести ладошкой по его мордочке. Затаив дыхание, осторожно погладила чешуйки и, не веря собственным ощущениям, погладила повторно, после чего задорно рассмеялась. Да так, что смех эхом раскатился по пещере, создавая впечатление, словно здесь смеется толпа троллей.

Дракон в страхе отпрянул и округлил глаза. Закрыв рот ладошкой, я внимательно на него посмотрела. Испугался, меня? Обычного человека?

– Простите, Малахит. Почему-то во дворце все пугаются моего смеха. Меня зовут Долорес. Для друзей – Ди.

– А мы – друзья?

– Давайте будем! А то вы грустный такой, аж сердце щемит от тоски. Неужели принц с вами совсем не разговаривает?

– Почти не разговаривает, – подтвердил Малахит и из его ноздрей вышел пар.

– А почему?

– Времени у него нет. Нападения, покушения, странные магические болезни, попытка разрядить артефакт. Сложно ему без жены. Прячут меня...

– От кого?

– От магических болезней и врагов королевства. Я ведь последний дракон Ла Эль Дероси.

– Грустно, – я поднялась на ноги и отряхнулась. Ну вот, на коленке теперь кровавая ссадина. – Грустно быть последним драконом. И у вас никогда не будет возлюбленной драконихи?

Дракон внимательно на меня посмотрел, а потом рассмеялся.

– Ну, ты даешь, девица. А зачем мне дракониха?

– Ну, как зачем? Чтобы любила, семья чтобы была. Да и драконят ведь не ветром надувает! – я рассмеялась и поиграла бровями, намекая на то, что знаю, откуда драконы берутся. Не тут-то было.

– Я могу сам родить дракона, – серьезно заявил Малахит.

– Как сам? – я разве что обратно на пятую точку не свалилась. – Без драконихи? Сам? Как такое возможно?

– Мы, драконы, когда полюбим, можем зачать внутри себя новую жизнь. От этой любви, – грустно протянул он и сложил морду на передние лапы.

Я подошла ближе и обняла обеими руками Малахита за клыкастую пасть. Смогла обнять лишь правую ноздрю, но честно старалась его приободрить:

– Ну, не грустите. Вы когда-нибудь обязательно полюбите!

– Надеюсь... – с надеждой протянул он.

– Да точно! Я вот вас уже люблю. Вы такой большой, красивый и... грустный. Давайте во что-нибудь сыграем? У вас есть... карты, например?

– Карты? – задумался он. – Сейчас что-нибудь поищем. В моей сокровищнице куча всякого хлама.

И он поднялся на лапы. Ого! Я и не заметила, какая пещера изнутри высокая. Неужели я провалилась на такую глубину? Малахит удивительно ловко при своей-то комплекции, юркнул в лаз и оставил меня один на один с огромным огненным шаром.

– Привет, – опасливо покосилась на шар и сделала шаг назад. Огонь приблизился. Я снова отступила на шаг. Огонь опять приблизился.

– Ма-ма, – с опаской протянула я.

– Иду-иду, – раздалось из другой пещеры, куда скрылся Малахит. – Вот, нашел какие-то. Правда из дерева хигу с драгоценными камнями... простых в сокровищнице не водится.

– Давайте какие есть, разница-то невелика. Умеее в идиота? – отходя подальше от света, заинтересовалась я.

– На желание?

– А хотя бы и так!

– Раздавай. Не играл почти двести лет. Как знать, может и осталось что в памяти.

Я раздала карты, хоть это оказалось и не просто. Тяжелые, большие, я еле удерживала их обеими руками. Но был и один плюс: мы с парнями иногда захаживали в игорные заведения, пропустить партию-другую, когда совсем не было денег. Иногда на кону стояли деньги, иногда еда, но почти все время мы выходили с сытым брюхом. Знаю, богиня, как и матушка-настоятельница, не одобряют походы в игорные заведения, но голодному желудку не прикажешь.

Дракон играл с интересом, тщательно обдумывая следующий ход и изящно выкладывая карты на камень. Я же, поджав под себя ноги, устроилась на драконьем крыле и играла эмоционально, не забывая каждый раз радоваться и комментировать, если ход оставался за мной. В конце концов, за мной осталась и партия. Дракон внимательно и даже не веря глазам, рассматривал последнюю битку и размышлял вслух.

– Как же так. Я ведь ходы считал...

– Считали, – поддакнула.

– Карты считал...

– Считали!

– А как же получилось, что выиграла ты?

– Иногда все дело в простой удаче!

– Дракон – идиот, – грустно протянул Малахит. – Ты когда-нибудь слышала о таких?

– Ну, это же только игра! Давайте еще разок раскинем, и я проиграю, а? – я подмигнула дракону, подбадривая.

– Нет. Уговор есть уговор. Говори свое желание. Все, что угодно. Хочешь – магию особую? Или несметные богатства? Хочешь, принц в тебя влюбится?

– Принц? – рассмеялась я. – Да вы его видели? А, конечно, видели. Он же ловелас первой гильдии, на кой мне такой возлюбленный? Даже меня, замарашку, только во дворец приехала, сразу же прошупал. И цветочки подарил, и репсиками кормил, весь такой прекрасный и обаятельный! Нет. Такой любви мне точно не надо. Сегодня я, а завтра другая?

Малахит рассмеялся и пояснил:

– Тебя две недели ждали, девица. Конечно, принц прибежал сразу, как ему доложили. Но скажу тебе, что первое испытание ты прошла.

– Какое испытание?

– Все фрэйни, прибывшие ко двору, были встречены пышно и торжественно. Принц, первые советники, дипломаты, представители собрания мыслителей, затем званый ужин с принцем. С тобой он просто ужина не дождался, сразу решил узнать поближе.

– А вы-то откуда все знаете, сидя в своей пещере?

– Смотри, – и дракон нарисовал в воздухе когтем большой круг.

По воздушному кругу прошла мелкая рябь, и мы увидели картинку: принц самозабвенно флиртует с блондинкой, той самой, которая громче всех смеялась надо мной за ужином и еще про чулки вдогонку бросила. Мы с Малахитом поморщились. Стерва. Если встречу – все патлы ей поотрываю! Устрою темную этой зазнайке. В следующий миг принц кокетливо заправил белоснежную прядку бесстыдницы за ушко и коснулся пальцами щеки.

– О, пожалуйста, – гоготнула я. – И его любовь вы мне предлагаете в качестве дара? Увольте.

– Ну, а как тебе адаптант Миргас? Все юные фрэйни хотят любви и хорошей партии. Он, конечно, не свободен, но я древний дракон. Захочешь, и адаптант в тебе души чаять не будет!

По сфере вновь прошла рябь, и мы увидели другую картинку. Я аж рот открыла и глаза округлила. В саду, в закатных лучах солнца стоял он: адаптант. Волосы забраны в низкий хвост на затылке, ни плаща, ни рубашки – голый рельефный торс, скульптурные мышцы на руках, на бедрах легкие тренировочные штаны и босиком. Закрыв глаза, он выводил руками разные пассы, меняя позы, перекачиваясь из одной в другую, кружась. Оранжево-золотой солнечный свет вычерчивал замысловатые фигуры с полутенями на его обнаженном торсе. Мужчина тренировался, а я бесстыже пялилась и разве что слюни не пускала.

– О-бал-деть, – едва выдохнула я. Малахит негромко рассмеялся, видя мою реакцию. – Красавец-то какой. А мускулы, мускулы! Видал? Ой... видали? Я вот нет. Никогда не видала. А задница-то какая, – я наклонилась, чтобы лучше рассмотреть и рассмеялась. – Глаз не оторвать!

– Ну, как? Хочешь такого себе?

Первой мыслью была «хочу-хочу», но адаптант резко открыл глаза и посмотрел прямо на меня. После этого сфера мгновенно растворилась в воздухе. Дракон печально вздохнул.

– Силен. И так каждый раз. Запрещает мне подглядывать. Говорит, «не благородное это дело, дракон, подглядывать!» Берешь?

– Нет, – я помотала головой, сглатывая слюну. – Ну, какая это любовь, когда по принуждению? Любовь, она либо есть, либо нет. Мне понарошку не надо. Тем более, говорите, занято его сердце. А раз так – пусть достанется своей избраннице.

– Чем же тогда тебе угодить? – задумался Малахит, почесав морду.

– А можно... можно... – у меня аж глаза засветились, как драгоценные камни. – А вы можете меня... прокатить?

– Прокатить? – изумился он.

Я азартно закивала:

– Ага. По небу! Полет с драконом! – расправив руки-крылья, я покружилась по пещере, показывая, какой полет мне бы хотелось. – Вот так – вуууу! Вжих вниз, а потом уааау вверх! И мертвая петляяяя... Можно? Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!!!

Дракон смотрел сначала напряженно-тяжело, внимательно так, что я подумала, будто попросила нечто непозволительное, а затем рассмеялся. Да так, что стены пещеры содрогнулись. Смеялся долго, аж свалился на хвост. А когда, наконец, пришел в себя, то все еще посмеиваясь вымолвил:

– Ну, девица, ты меня удивила! Ты можешь попросить у дракона все, что угодно. Все-все. Даже трон Ла Эль Дероси, а просишь... какой-то полет? Всего лишь полет? И даже только один!

– Ну, да. А зачем мне лишнее? Мне лишнего не надо, я не такая, – даже слегка обиделась. Неужели я произвела впечатление злобного меркантильного человека? – Куда мне богатства? От них я лучшим человеком не стану! И они греть не будут.

– А полет?

– А полет останется вот здесь, – я улыбнулась, показывая на сердце. – И воспоминания о нем будут греть меня всю жизнь! Это ценнее любого сокровища – приятные воспоминания!

– Хорошо, – ласково произнес дракон. – Но не сегодня. Я позову тебя, когда мы сможем летать.

– А как я узнаю, что вы меня зовете?

– Узнаешь, – загадочно вымолвил он. – И от себя, просто так, я тебе кое-что подарю. Можно?

– Можно, – смутилась я. – Только я вам подарка никакого не принесла... Давайте, в следующий раз? Только у меня драгоценностей нет, я что-нибудь простенькое, но от души, договорились?

– Договорились, – донеслось гулкое из другой пещеры.

Дракон, что-то бурча себе под нос, перебирал свои сокровища. Когда я уже успела заскучать он, наконец, вышел и протянул на огромной лапе малюсенькое колечко, которое ему даже на ноготь не надевалось.

– Ого, какое красивое! – восхитилась я, принимая подарок и разглядывая его со всех сторон. – Дорогущее наверное! Может, не надо?

– Дареному коню в зубы не смотрят! – заявил дракон, а я гоготнула.

– Ему обычно под хвост заглядывают: а вдруг кобыла? – мы вдоволь насмеялись и я принялась рассматривать подарок.

Небольшой ободок из белого металла был украшен крупным зеленым камнем в форме сердца. Камушек переливался в свете огненного шара и таинственно мерцал.

– Это, конечно, не малахит. Изумруд. Но будет тебе напоминать обо мне!

– Спасибо! – я обняла дракона за мордочку, которую он сложил передо мной и развязала шнурок на шее. – Я все дорогие подарки ношу здесь. Вот это, – я показала первый, – знак Богини, мне подарила матушка-настоятельница на восемнадцать лет. Вот это, речной камушек, похожий на человеческое сердце, мне подарил Лоло.

– Любит тебя, – задумчиво протянул дракон.

– Да, – мой ответ был не в меру грустным. – Любит. Покрасил его красным лаком, а дырочка так и была, природная. А это, – я с любовью посмотрела на маленький медальон. Щелкнул замочек и внутри показалась фотография: женщина с младенцем на руках.

– Твоя мама, – я удивилась. Откуда только дракон все знает? – Хорошая была женщина.

– Откуда вам это известно?

– Только у хорошей женщины может родиться такая добрая и искренняя дочь, – серьезно сказал Малахит. – К тому же, я вижу золотое сияние вокруг нее. Золотое – очень и очень редкое. Святой души была человек.

– Наверное. Умерла сразу после родов, – я поцеловала фотографию, закрыла медальон и добавила на веревочку колечко от дракона. – Теперь и ваш подарок будет здесь.

– Не наденешь его на палец, чтобы шеголять перед всеми?

– Зачем? – удивилась я, ловко завязывая на шее узелок. – Еще чего недоброго скажут, что сперла. Откуда у меня такие украшения? Любоваться можно и так. Я каждый вечер перебираю свои подарки, и их искренность греет мою душу. Спасибо вам, Малахит!

Я чмокнула дракона в нос и еще раз обняла.

– Хороший вы. Добрый.

– Это потому, что сытый.

Я резко приоткрыла один глаз, второй, осторожно так убрала от драконьей морды руки и сделала пару шагов назад. Малахит расхохотался:

– Попалась, девица!

– Вы... вы меня съедите теперь, да?

– Эх ты, шуток не понимаешь! – я в страхе сглотнула. Признаться, подобные шутки от дракона звучат страшновато. – Я не питаюсь девицами, тем более такими худосочными. В тебе же кости да кожа. Ты во дворце кушай побольше. Глядишь, и мясо нарастишь. А по поводу кольца. Ты его носи, не снимая во время всего отбора. На всякий случай...

– Хорошо. Кому расскажу, что мне дракон подарок подарил – все равно не поверят! – я гоготнула, а Малахит меня предостерег.

– Обо мне не рассказывай. Не поверят – в лучшем случае. А, если узнают, что ты со мной разговаривала, так еще и в душевную лечебницу отправят. Время позднее, тебе уже пора отдыхать. Иди. А я за тобой присматривать буду.

– Или подсматривать? – сощурилась я, но дракон шутку понял, и мы вместе посмеялись. Не хотелось уходить. Хорошо с ним. Тепло как-то. По-душевному.

Он очертил в воздухе большой овал когтем, на месте которого образовалась черная дыра. Я, открыв рот, подошла к удивительному явлению.

– Это портал во дворец. Так быстрее и безопаснее.

– А как мне вас снова найти? Чтобы прийти в гости? С меня подарок еще!

– Я сам найду тебя, слышавшая, – улыбнулся дракон. – Ступай. И спасибо тебе.

– За что?

– За приятный вечер.

– Это вам спасибо.

Я помахала дракону рукой и, накрыв ладошкой грудь, там, где висело колечко, смело шагнула в черноту. Страху не было. Почему-то я знала, что дракон не причинит мне зла. Возможно, и зря верила, но еще после прочтения книги «Малахит» считала, что дракон – это мое существо. Мое, в том отношении, что у меня с ним обязательно получится подружиться. Вот и получилось. Эта встреча теперь со мной в сердце на долгие-долгие годы.

Сама того не заметила, как вышла возле двери в свои покои. Только что была в пещере, шаг и уже у своих дверей. Обернулась – сзади коридор. Ну, чудеса! Усмехнулась и вошла к себе, сразу же заметив гостя, который, сложив руки за спиной, всматривался в темноту за окном.

– И что там видно, адаптант? – встала рядом и тоже посмотрела. Ответила вместо него: – Нифига не видно. Темнотища!

Мужчина, понятное дело, пришел ко мне не в трико и с голым торсом. На нем, как и при первой встрече, красовалась обтягивающая черная рубашка и черные же брюки. Плаща на этот раз не было, оно и понятно. Во дворце и без того жарко стоит.

– А вы ко всем девицам по вечерам в комнаты захаживаете?

– Только к тем, кто пропустил процедуру проверки метки, – сообщили мне спокойно и непринужденно. – Что с вами, фрэйни?

– А что? – я посмотрела в зеркало и удивилась. – Здоровский шишак!

Даже и забыла, каким образом очутилась у дракона. Хотела уже было ляпнуть, что свалилась в неизвестный тоннель и оказалась у загадочного зверя, но, вспомнив слова нового друга, произнесла:

– Свалилась, ударилась, потеряла сознание.

– Позвольте помочь?

– Ну, если вы сможете, – я даже растерялась.

Адаптант указал на диванчик. Безропотно села, прилежно сложив ладошки и с тихим ужасом наблюдала, как мужчина опускается на колени передо мной.

– Вы чего?

Но адаптант молчал. Его лицо как раз оказалось на одном уровне с моим. Смотрел так невозмутимо спокойно, глаза – как чистейший янтарь, медово-коричневые. А в магомобиле казались небесно-голубыми. Не удержалась и шепотом протянула:

– У вас глаза такие красивые...

– Это из-за магии, фрэйни Савойи.

Он накрыл мой лоб ладошкой и прислонился к ней своим лбом. Так близко, что у меня от смущения дух захватило. Я тоже закрыла глаза, чтобы не было так стыдно. Ведь еще совсем недавно я с открытым ртом разглядывала его мускулистый торс и пускала слюни на пол драконовой пещеры.

Что-то прошептав, мужчина отстранился и положил ладошки на мои коленки. Они выглядели куда хуже: оцарапанные, все в запекшейся крови. Быстро прошептав несколько слов, он убрал руки и, о чудо, ссадины пропали! Уверена, что и на лице не осталось следов свидания с каменным полом.

– Спасибо, – смутилась я, опустив глаза и колупая пальчиком ткань юбки.

– Пожалуйста, – коротко отрезал он и поднялся. – Теперь мне нужна ваша метка.

Я вспомнила, для чего адаптант вообще пришел ко мне, устыдилась собственного смущения и поднялась.

– Мне повернуться? Сесть, встать, лечь?

– Просто встаньте, остальное я сделаю сам.

– Этими инструментами? – я с опаской покосилась на столик, которого раньше в моей комнате не было. На колесиках, с ручками, на нем стояли тарелки, накрытые высокими крышками.

– Вы пропустили ужин. Я распорядился, чтобы вам доставили в покои.

Какая забота! Я еще раз глупо улыбнулась. Есть хотелось зверски, о чем желудок не забыл сообщить громким урчанием. Стыд-то какой! Я снова отвернулась, позволяя магу сделать, что требуется. И хорошо, что отвернулась. Совершенно точно сзади меня загорелся огонь! Переложила косички на грудь, предоставляя мужчине доступ к метке. Что там происходило – не знаю и даже знать не хочу! Но, наконец, мужчина обратился ко мне, а в голосе чувствовалось удивление:

– Фрэйни, у вас есть какие-то артефакты?

– У меня? – я искренне удивилась. – Да богиня с вами. С роду не было. Откуда деньги-то на всякие безделушки?

– Не возражаете, если я, все же, проверю?

И тут у меня кольнуло под ложечкой. Кольцо драконово! Возможно, это не просто украшение, а артефакт! Если адаптант Миргас найдет, наверняка подумает, что украли и отберет подарок Малахита! Сердце стучало со страшной силой, я закусила губу, не зная, как и быть. Отказать не могу – силой же проверит, а когда найдет – как объяснить?

Мужчина, тем временем, приложил ладонь к моему лицу и медленно повел вниз. Я следила за ладошкой взглядом обреченного на смерть узника и, когда она замерла возле моей груди, на ресницах уже дрожали слезы:

– Расстегните вашу блузку, фрэйни. Пожалуйста.

Дрожащими пальцами расстегнула пуговицы, поясняя:

– Адаптант Миргас, я ничего не крада! Это подарок, честное слово! Я хоть и выросла в монастыре, но я не воровка. Точнее, я воровала только еду, для детей... но я не крада это кольцо! Мне его подарили!!!

Мужчина положил на ладонь всю связку моих подарков и внимательно рассматривал один: кольцо, которое преподнес дракон. Настороженно посмотрел в мои глаза, полные слез. По выражению его лица сложно было что-то понять. Непроницаемое. Задумчивое. Отстраненное. Что происходило в этот момент, в его голове?

– Правда, – прошептала я, одними губами, а слезы скатились по щекам.

– Почему вы плачете?

– Потому что вы мне не поверите, а этот подарок для меня важный... здесь все подарки важные. Этот, – указала на камень, – от Лоло. Этот – от матушки-настоятельницы. А это... это от моей мамы. А кольцо Малахит подарил. Я вам сердцем клянусь!

– Малахит? Вы дали ему имя?

Я закрыла рот ладошкой, округлив глаза. Ведь дракон просил не рассказывать, а я, и часа не прошло, уже о нашей встрече болтаю:

– Не понимаю, о чем вы говорите!

Губы мужчины едва дрогнули в улыбке, но она тут же пропала:

– Хорошо, фрэйни. Но я попрошу вас снять это кольцо сейчас, иначе у меня не получится проверить подлинность метки.

– Вы его не заберете? – сердце забилося с надеждой.

– Это ваш подарок. И он останется с вами. Но сейчас и каждый раз, когда я попрошу, вы должны его снимать. Договорились?

– Договорились, – улыбнулась я, размазав слезы по щекам. Необычная доброта адаптанта удивила. Я была более чем уверена, что он не поверит и заберет кольцо.

Стала развязывать ниточку с памятными штучками, но пальцы дрожали и не слушались.

– Позвольте, – мужчина мягко убрал мои руки, быстро справился с узелком и положил все на журнальный столик. Что происходило дальше – не знаю. Видимо, та самая проверка. Кожу на шее опалило огнем, но ощущение исчезло также быстро, как и появилось. Даже взвизгнуть не успела. – Вот и все. Метка подлинная.

Мужчина помог вернуть украшения на место и завязал узелок:

– Мой вам совет – купите цепочку. Нитка может порваться, и вы потеряете свои сокровища.

– Да где же у меня деньги на цепочку-то? – смущенно улыбнулась я. – Чем богаты, тем и рады, адаптант Миргас. Спасибо.

Он внимательно, изменившимся взглядом разглядывал мое лицо.

– Вы меня смущаете, – сказала прямо. Даже щеки огнем обожгло от стыда. Так пристально на малознакомых девушек без причины не смотрят.

– У вас есть подруги? – вопрос настолько неожиданный, что я ответила далеко не сразу.

– Грендолин.

– Напишите мне адрес, завтра она будет здесь.

Возле одного из окон гостиной стоял письменный стол. Я взяла чистый лист, ручку и старательно, печатными буквами вывела: «Сенсория, Топаливый пиреулок, д. 7. Завут Грендолин».

– Вот.

Мужчина пробежался сухим взглядом по тексту и уточнил:

– Вы не обучены грамоте?

Снова пришлось устыдиться. Впервые моя неграмотность вышла боком и заставила краснеть. Прежде не было нужды во всех подобных мелочах, ими не прокормишься. Да, в монастыре не особо уделяли внимание таким навыкам, как чтение и письмо. В основном нас учили молитвам, помощи по хозяйству, работе в огороде и в поле, уборке, уходу за детьми. Тем вещам, которые помогут прокормиться. Грамоте мы учились сами, когда было время и оставались силы, а бывало это крайне редко. Проведи весь день на сенокосе и поймешь, что такое умение, как писать без ошибок, не самое главное... Поняв мой ответ без слов, мужчина произнес:

– Отдыхайте, фрэйни. Доброй ночи.

– Доброй ночи, – я оторопело смотрела на уже запертую дверь. – До чего же странный разговор. Грендолин! Завтра здесь будет Грендолин?

Даже не верилось. Вообще во все, что произошло сегодня, не верилось. Это казалось не то сказкой, не то дурным сном... странный. Очень и очень странный день! А, когда происходит что-то странное, выход один – лечь спать, как я и поступила. Забравшись под теплое пушистое одеяло, уснула мгновенно. Матрас провалился подо мной, подстроившись под очертания тела. Как в уютном гнездышке. Как на маминых ласковых руках... Наверное, ощущения такие же.

В кабинете принца

– Я проверил метку фрэйни Савойи, – с порога заявил адаптант, входя в кабинет принца без стука.

– И? – оторвавшись от письма, поинтересовался тот. В голосе теплилась надежда.

– Истинная. Разумеется, – дополнение явно было лишним, но отчего-то хотелось сказать именно так, как сказал адаптант.

– О, богиня, за что ты так с нами? Надеюсь, она вылетит на первом круге отбора! Она же глупа и вульгарна. Знаешь, что заявила мне при встрече? Будто бы принц толкает людей на воровство, дабы потом их казнить!

Адаптант подошел к окну и, вглядываясь в сгустившуюся тьму, заложил руки за спину и задумался.

– Это не глупость, а искренность и не вульгарность, а открытость. Нам есть, чему у нее поучиться, Киран.

– Странно слышать это от тебя! Ни в искренности, ни в открытости тебя не упрекнешь. Ходишь вечно мрачнее тучи. Как только фрэйни Лизалис тебя выносит, ума не приложу.

– Какое счастье, что это не твоя забота.

– Как бы то ни было, мы не можем допустить ее до второго тура, – мужчина откинулся на спинку кресла и, заправив за уши пшеничные пряди, постучал ручкой по столу. – Как бы нам сделать, чтобы она вылетела?

– Никак, – отрезал адаптант. – У нее появился хранитель.

– Что-о? – принц аж задохнулся от негодования. – Как? Кто? Когда она успела? Другие девушки тут неделями и только двое обзавелись хранителями.

– Она назвала его Малахит.

– Кого – его?

– Дракона, Киран. Дракон подарил ей свое сердце, а она – дала ему имя.

У принца нервно дернулась губа. Он смотрел, не мигая и не веря на адаптанта.

– Ты же шутишь так, да? Это ведь не правда? Такого не может быть просто потому, что... что... что такого быть не может!

Веский аргумент.

– Я похож на шутника? – мужчина повернулся и внимательно посмотрел на принца. – За две с лишним тысячи лет дракон никому не давал свое сердце. Никого не выбрал для опеки. Никому не позволил назвать себя. Никому, кроме этой нелепой девчонки с чулками вместо бантиков. К тому же, выбирать не нам, потому тебе придется быть милым с фрэйни Савойи. Она вполне может оказаться следующей рейной. По крайней мере, с сердцем дракона ей обеспечен выход, как минимум, в финал и место при дворе.

– Мне? – усмехнулся принц. В этот миг он был доволен, как никогда. – По-моему, хуже всего в этой ситуации тебе, мой друг. Эти долгие совместные вечера в приятной компании, – он даже рассмеялся, представив, какое испытание предстоит прославленному терпению адаптанта.

– Эти тяготы не столь обременительны. Я обучу фрэйни, чему требуется.

– Ох, что же мы будем делать, когда дойдем до эссе? Мысли этой вульгарной особы нельзя зачитывать перед собранием мыслителей! Ты хоть представляешь, какой будет скан-

дал? – принц вскочил и нервно мерил кабинет шагами. – Его не удастся удержать в рамках дворца! Даже, если аристократы и смолчат, то слуги разнесут! Они же, как тараканы, снуют всюду, невозможно вытравить!

– Насчет этого, – адаптант подошел к столу и занял место напротив принца. – Мне необходимы отчеты по Сенсории, по всем сферам. Финансы, медицина, налоги, правоохранительная деятельность. Все. Кто их составляет, кстати?

– Граф Иктион лично, насколько мне известно. Он смотритель тех земель. Недавно был с очередным отчетом. Цифры превосходные, доходность региона – высокая, собираемость налогов тоже. А бедняки всегда были и всегда будут с их вечным недовольством!

Он успокоился и сел обратно в кресло.

– Отчеты, Киран. И вместо эссе мы сделаем устное выступление участниц. Нет нужды утруждать их письмом. Узнаем истинные мысли девушек по основным вопросам жизни страны.

– Без подготовки? – обомлел принц.

– Во время правления такие ситуации не будут редкостью. Народ не высылает свои вопросы заранее в письменном виде. Они возникают спонтанно. Здесь и сейчас.

– Но... это же будет еще больший скандал, чем с эссе!

– Дворцу давно пора встряхнуться, – отчеканил адаптант, поднимаясь. – А народу нужна достойная рейна, а не фарфоровая кукла, строящая подлжки.

Принц едва заметно покраснел, понимая, что адаптанту известны его интрижки с некоторыми участницами отбора.

– Я передам распорядителю соответствующие изменения в сценарии отбора. И жду отчеты к завтрашнему утру.

– А что по поводу покушений? Все участницы здоровы?

Адаптант кивнул и, немного подумав, добавил:

– Необходимо устроить бал. Созвать дипломатов всех стран, представить им девушек.

– Да, – глаза принца заискрились. – Ты гений! План с наживкой исторически всегда себя оправдывал. Приставим охрану к участницам и выследим, кто пытается истребить род даст ир Дюпри! Ну, а если кто и погибнет, то невелика потеря. Это меньше, чем, если правящий род будет иссечен.

– Жертвы недопустимы, Киран. Девушки не должны пострадать. И... мы привлечем их к организации бала. Займись этим.

– Хорошо. Но, ты уверен, что угроза идет извне? Возможно, кому-то внутри королевства так мешает правящий род?

– Извне, в этом я полностью согласен с генералом Ардинантом. Всем прекрасно известно, что Ла Эль Дероси держится на наследниках рода даст ир Дюпри, на артефакте, которому они служат. Что будет, если артефакт не разрядить в ближайшее время?

– Огромный неконтролируемый выброс энергии... стихийные бедствия, землетрясения. Ла Эль Дероси будет стерта с лица Суэлии...

– Остались вопросы? – принц внимательно посмотрел на адаптанта и смолчал. Действительно. Трон страны – не самое популярное место. Даже, если кто его и займет, то ненадолго. А покушались именно на правителей.

– Почему же тогда нападают на девушек, а не на меня?

– Потому что тебя, ваше высочество, мы охраняем, как зеницу ока. Мы отрезали все возможности для нападения. Все, до единой. К тому же, многие знают о двойниках, дублерах. Кто-то даже думает, что настоящий принц в тайном убежище. Враг сосредоточился на более простой задаче.

– Девушки. Если уничтожить очередную рейну, то... до следующего отбора мы все можем не дожить.

– Это выгоднее всего Ксандрии. Их население плодится, как крысы, а границы остаются прежними. Они смотрят на Ла Эль Дероси как на лакомый кусочек, но взять силой не могут.

– Другое дело, если наш артефакт будет уничтожен. Ксандрийцы не побрезгуют занять разрушенные территории и построить новый мир...

– Вот именно. Но мы можем и ошибаться насчет них. Потому собери всех дипломатов. Всех, на кого укажет Ардинант. У нас нет права на ошибку.

Не прощаясь, адаптант вышел из кабинета, оставив Кирана даст ир Дюпри в гордом и тягостном одиночестве. За письмо он больше не сел, да и весь отбор резко утратил для него привлекательность. Каждый день они живут на грани катастрофы, а враг по-прежнему неизвештен.

К тому же, Долорес Савойи... Эта оборванка и грубиянка дойдет до финала. Во всяком случае, будет одной из трех и имеет реальные шансы стать рейной. Да. Она дойдет до финала, потому что у нее есть хранитель. Но дойдет лишь в том случае, если с ней ничего не случится или она не будет уличена в связи с мужчиной. Мысль о возможной случайной болезни юной фрэйни вывела принца из тягостных дум, и он вновь вернулся к прерванному занятию, надеясь на благосклонность богини.

В апартаментах Долорес Савойи

Я проснулась в отличном расположении духа, но с четким ощущением, что на меня кто-то пристально смотрит. Открыла глаза и вскрикнула от неожиданности. В кресле возле кровати сидела Грендолин. Моя подруга Грендолин! Но как? Прошла ведь только одна ночь!!!

– Тебе тут при дворце язык отрезали что ли? – недовольно насупилась подруга.

Я завизжала, но на этот раз от радости, и бросилась в объятия девушки.

– Грени! Ты здесь!!!

Мы смеялись, визжали и радостно кружились, глядя друг на друга так, будто не виделись полжизни.

– Но... как? Как ты так быстро добралась?

– Не поверишь. Хотя, это скорее мне сложно поверить, чем тебе. Ночью ворвались люди графа Иктиона, ничего не объяснили, ничего не сказали, швырнули в магомобиль. Магомобиль, представляешь!!! В нашей-то Сенсории? И все. К утру я оказалась здесь. Меня встретил жутко странный, но крайне обаятельный красавчик. Сказал, что я буду помогать тебе во время отбора, выполнять обязанности камеристки, прикинь? Не знаешь, кто такой? У него девушка есть?

– Скорее всего, адаптант Миргас и, насколько знаю, да. Сердце его не свободно.

– Жаль, жаль. Впрочем, думаю, я смогу здесь кого-нибудь подцепить. Только ты видела? Мужики-то в лосинах ходят! Стидоба-то вся на виду, можно сразу оценивать потенциал! – мы от души расхохотались. Как вспомню принца в лосинах, так смеха не удержать.

– Грени, я так рада, что ты будешь со мной! Тут не участницы, а сущие дьяволицы! Нам нужно срочно разработать план мести! Они мне такую подлянку устроили...

Но все планы пришлось отложить на потом, поскольку в дверь постучали.

– Позвольте отпереть, фрэйни? – Грендолин дурашливо поклонилась, а я запустила в нее подушкой и, накинув на плечи халат, никак шелковый, отправилась открывать.

– Доброе утро, фрэйни Савойи.

– Привет, Венцеслав. Заходи. Это моя подруга – Грендолин. Грендолин – это Венцеслав.

– Та самая новая камеристка? Вы прелестны, Грендолин, – парень резко преобразился: подтянулся, став несколько выше, в глазах блеснули огоньки, а на губах заиграла легкая улыбка. – Мне велено передать вам расписание, – я приняла из рук служки золотистую карточку с тисненым королевским гербом наверху, – и, что через час вас ожидают к завтраку.

– А мы не можем тут позавтракать?

– Увы, слугам запрещено принимать пищу с господами. Мы с Грендолин поедим на кухне. Не переживайте, я за ней присмотрю.

– Ага, – я гоготнула, шутливо поиграв бровями. – Ты уж смотри, особо не засматривайся. Она моя лучшая подруга!

Парень смутился и, покрасневшись, продолжил:

– А вам велено явиться обязательно. Это распоряжение принца. На всякий случай, я подскажу, что на завтрак фрэини предпочитают надевать легкие платья, светлых тонов, с открытыми плечами. У вас в гардеробной комнате таких много. Грендолин пока пойдет со мной, но к вам обязательно придут камеристки, чтобы помочь.

– Не-не-не, – я отрицательно помотала головой. – Если придут, я им шею намылю, понятно? Так им и передай! Сама оденусь.

– Но, корсет, – обомлел парень.

– И корсет, и не корсет – все сама. Один раз они мне уже помогли. Хватило.

– Как фрэини будет угодно. Всего доброго!

– Пока-пока, – Грендолин, взбив черные кудряшки, подмигнула мне и помахала ручкой.

Все же, хорошо, что подруга здесь. С ней как-то спокойней будет. К тому же, если мне снова устроят пакости, в чем я ни капельки не сомневалась, будет, кому поплакаться и с кем разработать план мести. Да, матушка настоятельница против того, чтобы мы опускались до подобного, но в приюте испокон веков заведено: не трогаешь ты, не трогают тебя. Ну, а если нарушил правило – сам нарвался.

Я глянула карточку, которую передал Венцеслав, и ознакомилась с распорядком дня. Сегодня меня ждал завтрак в компании принца, адъютанта, распорядителя отбора и, разумеется, участниц. После завтрака – общее собрание участниц с разъяснением предстоящих испытаний. Затем отдых и первое испытание, после которого обед и снова отдых, прерываемый пятнадцатиминутной беседой с принцем. Сколько же эти господа отдыхают! Так и задницу можно отсидеть, да бока отлежать! Нужно будет узнать, возможно, тут есть огород или футбольное поле. Хоть мячик с парнями погонять, ради веселья, или в огороде помочь. Как ни странно, но, когда тебя лишают привычной жизни, к ней нестерпимо хочется вернуться. Руки так и чешутся в земле покопаться. А вечером некое занятие. Отложив карточку, пошла переодеваться. Все равно все объяснят, а из расписания особо и не поймешь, что к чему. Какое-то занятие, какое-то испытание. К чему готовиться? Поди разберись. Странные они тут все во дворце.

Решив использовать утреннее время с пользой, я выстирала свои штаны и рубаху и вывешивала сушить на резной спинке кровати – других мест попросту не было. Затем, вдоволь насладившись горячей водой, пошла выбирать наряд. Гардеробная комната пугала своими размерами. Но больше пугали даже не они, а всевозможные рюши, оборки, ленточки, бантики, цветочки, стразы и даже перья, торчавшие отовсюду.

– Какой ужас, – констатировала я, приложив к себе одно из платьев нейтрального молочного цвета и глядя на себя в зеркало. Похожа на шапку убегающего из кастрюли молока. Приложила другое платье, в надежде, что буду выглядеть хотя бы немного лучше, но тоже не впечатлило: – Торт. Шоколадный. С орехами...

Повесила платье обратно. Перебрала кучу вариантов и пришла к выводу, что на завтрак спущусь в том, в чем была вчера, только жакет надевать не стану. Во-первых, утру нос выскочкам и зазнайкам. Вчера им удалось меня обидеть, потому что я была добра и открыта, хотела подружиться. Но пора показать, что больше им этого сделать не удастся. Во-вторых, такой костюм мне более понятен и привычен. Хотя я в принципе никогда прежде не носила юбки.

Жакет застирала и вывешивала сушить – уж слишком грязным он был после головокружительного полета по земляному тоннелю. Блузка, слава богине, осталась чистой. Юбка высохнуть не успела бы, поэтому я просто затерла грязевые пятна, вспоминая слова матушки-настоятельницы: «грязь не сало, высохла – отстала». Вот грязь и отстала, поскольку высохла.

Посмотрела на себя в зеркало. Обтягивающая юбка до колен смотрелась непривычно, но, в целом, неплохо. Блузку не стала застегивать до конца, расстегнула две верхних пуговицы – слишком душно у них во дворце. Будто нормальную вентиляцию сложно сделать! Я раскрыла окна, решив хорошенько проветрить помещение, пока меня не будет. Теперь волосы. После вчерашних косичек, с которыми я и уснула, они завились в тугие кудри. Покопавшись в тумбочке с зеркалом, что стоит в моей спальне, я выискала несколько невидимок и большой белый цветок на заколке. Соорудила из этого прическу: убрала прядки спереди, а сзади оставила распущенными, украсила голову цветком. Вчера я заметила, что многие участницы носят длинные кудри, правда в высоких прическах, но мне такие искусства не светят. И так сойдет.

На бабу похожа... Но результат, признаться, мне понравился. Заскочила в туфельки и понеслась в столовую, поскольку снова опаздывала.

В этот раз перед двустворчатыми дверьми немного постояла, унимая разбушевавшееся сердце. Ну, чего я волнуюсь? Там меня ждут мужики в лосинах и куча девиц, которые даже драться-то не умеют иначе, чем словами. А мастерство литербола я освоила шедеврально. Матушка-настоятельница как-то однажды даже сказала, что у меня не язык, а помело, а вместо рта – мусорное ведро. Пора доказать, что ее утверждения не были голословны. Я гордо вскинула подбородок и кивнула мраморным статуям, давая знак, что готова войти. Слуги открыли передо мной двери, а ожидающий внутри мужчина, завидев меня, бесцветным голосом произнес:

– Участница номер тринадцать – фрэйни Долорес Савойи. Все участницы в сборе, прошу приступить к завтраку.

Я окинула мужчину с головы до ног. Все же, интересная у них мода. Принц – в лосинах, а этот кадр в лосинах, поверх которых странные широкие шорты, явно большие по размеру, поскольку на бедрах торчали в разные стороны. Неужели во дворце нет денег на нормальную рабочую униформу для слуг? Я гоготнула, глядя на мужика, а тот стукнул длинной палкой об пол, заставив меня вздрогнуть и посмотреть на сидящих за столом. Все ждали только меня. Принц смотрел с натянутой улыбкой, адаптант, как и всегда – непроницаемо и отстраненно, незнакомый мужик, с удивлением, а двенадцать девиц – с иронией.

– Чего уставились? – улыбнулась я. – У меня что, свиной пятак вместо носа?

Девушки даже рты открыли, а одна, та самая, с которой любезничал принц, громогласно заявила, не глядя в мою сторону:

– Ваше высочество, какой кошмар! Гардероб фрэйни Савойи забыли наполнить вещами! Она вынуждена дважды надевать один и тот же наряд!

– Зато ты, погляжу, с выбором не определилась и решила натянуть на себя все, что нашла. Молодец! Как говорят у нас на улице: «все свое носи с собой», не ровен час – утащат!

Я подмигнула участнице и, не дожидаясь приглашения, подошла к пустующему стулу, полагая, что это мой. Не знаю, считать ли расположение удачным, но сидела я прямо напротив принца. Стол круглый, тут все сидели напротив кого-нибудь.

– Возмутительное хамство! – наконец, нашлась девушка. – Ваше высочество, неужели вы станете терпеть в стенах своего дворца это убожество?

– Фрэйни Амалия, все присутствующие девушки – выбор богини. И не нам с вами решать, кто достоин находиться за этим столом, а кто – нет. Это покажет отбор. А сейчас, прошу, приступим к завтраку.

Подарив мне не очень-то дружелюбный взгляд, принц уткнулся в тарелку. Я последовала его примеру. Передо мной на белоснежном блюде с золотой каемочкой лежало нечто белое, похожее на сплющенное яйцо. Нечто лежало на куске жареного хлеба в окружении зелени.

Справа и слева от тарелки несколько приборов. Разные вилки, ложки и ножи. Я гоготнула:

– На кой тут столько приборов-то наложили? И одной вилки хватило бы. Мыть потом заколебешься! – поделилась с соседкой, которая от моего замечания выпучила глаза и пода-

вилась, да так сильно, что не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть. Я постучала ей по спине, но не помогло.

– Что с ней? – испугался принц.

– А, фигня. Подавилась, – успокоила я и поднялась. Стащила девушку со стула, обхватила сзади, сцепила ладошки в замок под грудной клеткой и со всей силы несколько раз тряхнула.

Кусок, прочно застрявший в горле, стремительно вылетел и, описав дугу, приземлился прямо в лоб фрэйни Амалии. Я рассмеялась, чем дала новый повод для смешков в свою сторону. Но мне было все равно. Как говорила одна из монахинь, моя подруга сестра Пышка, никто не может обидеть нас, если мы сами им не позволим. Ну, так вот, я и не собиралась позволять. На самом деле, сестру Пышку зовут сестра Астрения, но из-за чрезмерной любви к выпечке, мы все ласково называли ее Пышкой. Она не обижалась и даже привыкла.

– Это вам привет от богини, фрэйни Амалия, – подшутила я над брезгливо утирающей лоб блондинкой и обратилась к своей соседке. – Ну как, нормально?

– Спасибо, – явно нехотя поблагодарила она.

– Да не вопрос. Больше не давить.

Мы снова устроились и, вспомнив о правилах приличия, я расправила салфетку, которая так и осталась лежать на столе, и разложила у себя на коленях. Инцидент, кажется, был исчерпан, и все вернулись к завтраку. Я потянулась за вилок, но соседка слева прошептала:

– Я бы не советовала.

– Чего?

– Яйца пашот едят другой вилок.

– А какая разница?

Наш разговор, увы, не остался без внимания. Незнакомый мужик, видимо, тот самый распорядитель отбора, вставил замечание:

– А разница в том, фрэйни Савойи, что столовый этикет предполагает употребление пищи специализированными столовыми приборами. Это не только эстетично, но еще и удобно.

– Удобно? У меня две вилки, два ножа, три ложки, какая-то странная вилок-ложка и по-вашему, вся эта груда металлолома мне нужна, чтобы съесть белое овальное нечто, которое вполне можно засунуть в рот руками?

Девушки рассмеялись над моим замечанием, распорядитель в растерянности открыл рот, адаптант как всегда молча сверлил меня задумчивым взглядом, оторвавшись от еды. Не выдержал принц:

– По вашему, мы можем неуважительно относиться к наследию наших предков?

– Да мало ли как они наследили? – возмутилась я. – Матушка-настоятельница на уроках истории рассказывала, что мужчины раньше ходили в одних набедренных повязках. Шкурами срамное место прикрывали. Почему же вы, ваше высочество, в такой повязке не ходите? Или вы уважаете своих предков избирательно?

На этот раз рот раскрыл даже принц, а я, не стесняясь, взяла первую попавшуюся вилок, отломала кусок еды, оказавшейся яйцом, и отправила в рот. Повторила тоже самое всеми вилками и ложками. Присутствующие напряженно молчали и утратили интерес к еде:

– Мой вывод, сделанный экспериментальным путем. Чем ни ешь это яйцо, в рот залезит одинаково и вкус от этого не меняет. А, если есть всю еду одной вилок – посуды мыть существенно меньше!

Некоторые девушки смущенно улыбнулись. Было видно, что они явно разделяют мое мнение. Я заметила, что и уголки губ адаптанта дрогнули, но этот фрукт умело скрывал свои эмоции за ледяной маской неприступности. Не выдержала другая леди, которая сидела рядом с фрэйни Амалией. Тоже блондинка и, судя по всему, аристократка:

– Теперь она что, слуг выгораживает? Это с каких пор мы должны заботиться о том, чтобы у них было меньше работы? Ваше высочество, это возмутительно! И как можно есть второе блюдо грязной вилкой?

– Еда для вас грязь? – искренне удивилась я.

– Фрэйни Савойи. Во дворце заведены определенные порядки и для всех будет лучше, если вы станете их придерживаться, а не обсуждать, – едва сдерживаясь, попросил распорядитель.

– Иначе что?

Гробовая тишина стала мне ответом. Так и думала! Ничего они сделать мне не смогут. Такая куча столовых приборов и для меня одной. Да это издевательство. И двух хватит! Ну, на худой конец, что-то и правда ножом подковырнуть удобно.

Неловкую паузу прервало появление прислуги. Они забрали грязную посуду и поставили следующее блюдо. Передо мной оказался салат из странных овощей. Я подцепила кусочек чего-то красного и отправила в рот. Сладкий на вкус.

– Фруктовый салат, – пояснила девушка слева.

Я получше к ней присмотрелась. Брюнетка, с мягкими, даже кукольными чертами лица: аккуратный, чуть вздернутый носик, пухлые губки бантиком, красивые зеленые глаза, миндалевидной формы. Она надела легкое сиреневой платье, почти без рюш, а из украшений только неброские серьги с фиолетовым камушком. Интересно, она мне подсказывает из сострадания или хочет помочь? Решила дать ей шанс.

– Спасибо. Вкусный. Меня Долорес зовут. Но можно просто Ди.

– Меня – Сильена. И я тоже считаю, – смутившись, она перешла на шепот, чтобы никто не услышал, – что большое количество столовых приборов ничуть не повышает ни качество пищи, ни гигиену!

– Вот и я о том же! – улыбнулась, насаживая на ту же самую вилку фруктовый салат.

Весь завтрак я ловила на себе неприязненные взгляды соперниц, но разговор со мной никто, кроме Сильены, не заводил. И слава богине. Соседка оказалась приятной девушкой. Я узнала, что она тоже не из знатной семьи – крестьянка. Ее нашли две недели назад и за эти две недели пришлось выучить столовый и придворный этикет. Все это время она была предметом постоянных насмешек со стороны, так называемой, элиты участниц – аристократок. Таких тут оказалось большинство. И почему, интересно, богиня решила, что аристократка станет лучшей рейной, чем обычная девушка? Я бы куда охотнее предпочла видеть на престоле Сильену, нежели фрэйни Амалию. Первая хотя бы умеет себе пищу добывать, а вторая думает, что пища берется на тарелке из ниоткуда.

Первым завтрак покинул адаптант Миргас, коротко попрощавшись с девушками. Поцеловав ручку фрэйни Амалии и ее подруге-аристократке фрэйни Гилмор, удалился принц. Перед уходом он задержался, чтобы шепнуть что-то распорядителю, который в свою очередь попросил нас по окончании завтрака собраться в некоей летней комнате. Я решила держаться поближе к Сильене и ее подруге – Рикси Фиссон. Девушки уже неоднократно бывали в этой комнате, и мы проследовали туда вместе.

Я с интересом разглядывала огромные картины на стенах, на которых красовались придворные дамы в шикарных платьях, незнакомые мне мужчины, то в лосинах, то в шортах, больших по размеру. На некоторых картинах изображена целая семья и дети. Убранство дворца было, по моему мнению, необоснованно шикарным. Зеркала в тяжелых золоченых рамах, явно дорожные вазы со свежими розами, диванчики, обитые бархатом. Ну, какая разница заднице, на каком материале сидеть? Бархат быстро стирается, мне Грендолин рассказывала, что бархатную кушетку в доме ее хозяина перебивают раз, а то и дважды за год! Неразумные траты!

Наконец, мы оказались в летней комнате. Она мне понравилась сразу: вместо стен окна от пола до потолка, открывающие изумительный вид на озеро. Я и не знала, что рядом с дворцом

есть такой прекрасный водоем. Обязательно схожу искупаться, как появится возможность! А, может, удастся раздобыть удочку и порыбачить! Вплотную к окнам стояли диваны без спинок, обитые блестящей и явно дорогой тканью, между ними – широкие горшки с цветущим декоративным жасмином. Он дарил воздуху приятный сладковатый аромат. В центре комнаты стояло два небольших декоративных фонтанчика, а между ними нечто странное и нелепое. Вроде бы диван, но спинка – деревянная и посередине чрезмерно широкого сиденья.

Заметив мое изумление, Сильена подсказала:

– Это – десадос. На него любят присаживаться фрэйни, если их компания более трех человек.

– Чего только не придумают, – хмыкнула я. – Сядем на диван?

– Это кушетка.

– Да, все равно.

И мы расположились на кушетке. Распорядитель не заставил себя долго ждать. Высокий, худой мужчина со светло-русыми волосами, забранными в хвост на затылке, выглядел взволнованным и недовольным. На нем были белые лосины и странная рубаха-платье, с вышивкой на груди и чуть расклешенными рукавами. Платье-рубаха до середины бедер как раз давала возможность разглядеть все, чем природа наделила мужчину. Интересная у них тут традиция. Мужчины так дам привлекают, чтобы сразу видели, на что рассчитывать?

– Доброе утро, фрэйни. Еще раз. Это наше первое официальное собрание в полном составе. Специально для фрэйни Савойи представляюсь еще раз. Меня зовут фрэйн Макалистер. Я распорядитель данного отбора и по всем вопросам организационного характера вы можете обращаться напрямую ко мне. Сейчас перейдем к насущным вопросам. Первое, что я хотел с вами обсудить – это недовольство принца поведением некоторых особ.

Присутствующие фрэйни, которые пестрыми попугаями расселись на стульях, кушетках и странном десадосе, повернули голову в мою сторону:

– А что не так с моим поведением? – я пожала плечами. – Вы первые начали. Раз уж зашел об этом разговор, хочу сразу прояснить ситуацию. Я девушка добрая и дружелюбная, но до тех пор, пока меня не трогают. Не надо строить козни, я не стану отвечать тем же. Узнаю, кто меня обидел и сразу в бубен дам. Понятно? Фрэйни Амалия, ты первая на очереди. Полагаю, за мой прекрасный наряд надо тебе спасибо сказать. Еще раз ко мне прицепишься – останешься без зубов. Уговор?

Девушка покраснела, едва не слившись со своим вишнево-красным платьем. Покраснели даже голые плечики красавицы. Она раскрыла веер и стала яростно им обмахиваться.

– Фрэйни Савойи! Ваша манера излагать мысли совершенно недопустима при дворе! Но на вас мы остановимся отдельно! Принц просил призвать девушек к порядку и не строить друг другу козни. Вы все – избранницы богини и должны показать, что достойны ее внимания! Умение плести интриги – не оценивается и не является вашим преимуществом. Поставив другую участницу в неловкое положение, вы никоим образом не подорвете ее шансы на победу и не приблизитесь к победе сами. Да будет вам известно, выбыть из конкурса можно только по трем причинам: если у вас исчезнет метка богини, если вы лишитесь невинности с кем-либо, кроме принца, либо умрете.

– То есть лишиться невинности с принцем во время отбора – допустимо? – удивилась я. Фрэйни Гилмор и ее подруга расхохотались:

– Не переживай, тебе это не грозит!

– Я не об этом. Правила у вас какие-то... лицемерные!

– Никакого лицемерия, фрэйни. Это изъятие допустимо лишь по той причине, что вы уже сейчас находитесь в статусе невесты принца, – я удивилась. Теперь стало понятно, почему меня принимают за госпожу и причисляют к члену королевской семьи. – А принц должен быть уверен, что будущие дети рейны – из рода даст ир Дюпри. Это категорически важно с маги-

ческой точки зрения. Теперь перейдем непосредственно к вам. Очевидно, что отправить вас обратно мы не можем. Поэтому, вам придется ходить на занятия по этикету. Пока вы во дворце, придется соблюдать правила.

– Даже, если это дурацкие правила? – возмутилась я.

– Правила не могут быть дура..., – мужчина осекся и замешкался, – э-э... что вы такое говорите?

– Ну, а как назвать правила, по которым мужик должен лосины носить? У вас же все видать! И в вашем случае, фрэйн Макалистер, гордиться-то нечем!

– Приличная фрэйни не смотрит мужчине ниже пояса! – вспыхнул распорядитель.

– А для кого вы тогда выпячиваете свои причиндалы? Для неприличных фрэйни?

Мужчина открывал и закрывал рот, силясь что-то сказать, но слова явно были неподобающими его статусу и воспитанию.

– Вот и я говорю – дурацкие правила, которые ставят и вас, между прочим, в дурацкое положение. Думаете, приличные фрэйни не обсуждают втайне размеры достоинств местных мужчин? – я обвела внимательным взглядом присутствующих дам. Некоторые смущенно покраснели и опустили глаза. – Во-во. О чем я и говорила! Обсуждают, да еще как. А на людях из себя скромниц строят! К чему это лицемерие? Вы сами демонстрируете свои органы, но при этом запрещаете на них смотреть и прилюдно обсуждать?

– Довольно, фрэйни! Мой пенис – не повод для дискуссий!

– А мне кажется, вполне стоящий повод. Ну, я не про ваши причиндалы, а про нелепые наряды! Взять хотя бы девушек. На улице – пекло. Думаешь, Амалия, никто не видит, как ты запикиваешь носовой платок, чтобы утереть пот с подмышек?

– Нахалка!!!

– Еще бы, столько теплой ткани на себе таскать, как тут не вспотеешь? А от некоторых участниц так разит духами, что можно сознание потерять. Думаете, это помогает маскировать вонь потных подмышек? Фига! Потом воняет сильнее! Так к чему эти дурацкие правила, заставляющие мужчин щеголять тем, на что нельзя смотреть, а девушек носить наряды, от которых они воняют и чешутся?

– Таковы... таковы правила, фрэйни! – не нашелся, что сказать распорядитель. – Это красиво!

– Красиво? – я не удержалась и расхохоталась. – Вот у нас в Сенсории уже давно дамы носят легкие платья без всяких подъюбников и балахонов, из удобных тканей. Лен, хлопок, хорошо проветриваются, ничего не воняет. И тоже красиво. А дамы, что побогаче, носят все вот эти ваши рюшечки и блестящие материалы, но без десяти нижних и пяти верхних деталей. Длинное платье до пола, без всяких придурей.

– Лен и хлопок для парадного платья? Кошмар! – возмутились присутствующие дамы, тут же прикрыв кислые мины веерами. – И без фалд? Без распашного платья? Вульгарность!

– Вы демонстрируете совершеннейшее неуважение к традициям! Это недопустимо.

– Почему? Просто потому, что мое мнение отличается от вашего? Или что, Сенсория уже не часть Ла Эль Дероси и там люди неправильные?

– Это не тема для обсуждения, – пресек все дальнейшие дискуссии распорядитель. – Вам бы рот с мылом помыть, фрэйни. Возможно и поумнеете. А до тех пор постарайтесь свое бесценное мнение держать при себе. Если, не приведи богиня, вы станете рейной, вот тогда и будете делать и говорить, что вздумается, а пока вы здесь гостья. Со своим уставом в чужой монастырь не ходят!

А вот тут распорядитель, как ни прискорбно, был прав. Я в чужом доме и пытаюсь диктовать свои правила. Возможно, мое поведение действительно вызывающее? И, если я чего-то не понимаю, не значит, что все не правы, а права я одна. Возможно, неправы как раз-таки

я? Ну, явно не во всем, но стоит дать шанс этому обществу. Хотя бы попробовать следовать некоторым, не самым идиотским правилам. Что-то, а признавать ошибки я умею:

– Вы правы, фрэйн Макалистер. Я постараюсь, – задумалась. – Постараюсь научиться.

Фрэйн искренне изумился и, чтобы не спугнуть мою шаткую, по его мнению, решимость, перешел к обсуждению других вопросов:

– Оставим пустые разговоры. Второй вопрос, который нам следует обсудить – это ваша безопасность. К сожалению, две участницы уже переболели неизвестной магической болезнью. Имеются предположения, что это та же самая болезнь, от которой скончалась рейна, – девушки испуганно охнули. Оказывается, об этом никто не знал. Мне-то Венцеслав рассказал, но я чем только не болела, поэтому магические штуки не особо пугали. – К счастью, адаптант Миргас смог справиться с напастью и все остались живы. В связи с этим, обязан предупредить о повышенных мерах безопасности. В вечернее время без крайней надобности не выходите из своих покоев, разумеется, нельзя покидать территорию дворца. Старайтесь не оставаться одни, особенно в незнакомом обществе. Принимайте пищу и напитки только во время наших общих собраний, либо просите своих слуг принести что-нибудь с кухни. Все снадобья и зелья, а также, при необходимости магические процедуры – только через адаптанта Миргаса или личного лекаря его высочества. Это понятно?

Девушки слаженно кивнули. Некоторые из них сделались бледнее, некоторые усиленно трясли веерами. Сильена тоже поерзала на своем месте. Очевидно, подцепить магическую болячку она не хотела.

– Третий вопрос – испытания. Наверняка, вам всем интересно подробнее узнать об отборе, – на этой части монолога распорядителя приосанились все. Я тоже уши развесила, мне было крайне любопытно, что же ждет впереди. – Бесполезно расспрашивать слуг или придворных. Все связано магической клятвой. Вам никто и слова не скажет. Я же поясню. Отбор предназначен для того, чтобы выбрать следующую рейну. Избранницу богини, которая поможет рею совершить обряд адаптации природной энергии. Она должна стать его опорой и поддержкой во время ритуала. Это основная задача рейны.

– А я всегда думала, что это мужик должен быть опорой для женщины, – шепнула соседке. Мы улыбнулись, но миг утратили веселость под пристальным взглядом фрэйна Макалистера.

– Поэтому основной упор будет сделан на испытания, связанные с проверкой ваших магических способностей.

– А, если таковых не имеется, фрэйн? – обратилась я. Малюсенькие магические трюки, которые помогали мне скрываться от погони, сложно назвать магическими способностями.

– На вас метка богини, фрэйни. Значит, имеются. Во время отбора вы раскроете свой потенциал, либо покинете состязания. Та, чья метка в конце дня погаснет, покидает отбор.

– То есть, решение принимает не принц?

– Нет, фрэйни Амалия. В противном случае, в отборе не было бы смысла вообще. Но, помимо магической опоры, рейна должна являться надежной спутницей, любимицей народа, она должна быть умна, эрудирована, владеть искусствами.

– Боевыми? – уточнила я. Хоть с чем-то проблем не возникнет.

– Фрэйни Савойи, не язвите!

– Но, я серьезно спросила.

– Разумеется, нет! – под всеобщие смешки, пояснил распорядитель. – Умение музицировать, петь, танцевать, рисовать... что угодно. Искусства. Все это также будет проверяться. Через пару часов вы пройдете первое испытание, в рубиновой комнате. В ней все начнется и закончится.

Прозвучало зловеще. Я даже поежилась, а распорядитель окинул присутствующих таким взглядом, словно для нас действительно все закончится... навсегда.

– Специальной подготовки для первого испытания не потребуется. Оно будет магическим. После него вас ожидает обед. После обеда – время для беседы с принцем. Первой он приглашает фрэйни Савойи, поэтому подумайте, как построить вашу беседу, чтобы... не наговорить очередных глупостей и не выставить себя в дурном свете. Я бы посоветовал вам, фрэйни, реабилитироваться в его глазах.

– А что со мной не так?

– Начать, хотя бы, с вашего внешнего вида, – я посмотрела на себя и сдвинула брови. Нормально же выгляжу. Даже юбку надела! – Платье создано для того, чтобы сделать вас женственной. На вас юбка, волосы распущены, но я не вижу перед собой женщину.

– Чего?

– Вы грубая, вульгарная, движения резкие, ломаные. Женщина должна быть женственной, ее походка – плавной, речь – размеренной, а мысли – взвешенными. Но мы снова отвлеклись. После беседы с принцем вас ожидают занятия. Поскольку все вы очень разные, для каждой разработан индивидуальный график. Какие-то занятия будут общими, какие-то – индивидуальными. Об этом вы узнаете завтра. Сегодня же вы будете заниматься с адаптантом Миргасом постижением природной энергии. После занятия у вас свободное время. Используйте его для подготовки визиток. Завтра одним из испытаний станет рассказ о себе. Это может быть песня, танец, стих, просто декламация, что угодно. Проявите фантазию, подойдите творчески. Мы все хотим познакомиться с вами поближе. Остались какие-нибудь вопросы?

– Фрэйн Макалистер, – я подняла руку и широко улыбнулась. – Какова форма одежды на первое испытание?

– Парадная, фрэйни Савойи. Подумайте с камеристкой над вашим внешним видом.

Других участниц интересовали совершенно иные вопросы. Могут ли они остаться во дворце, если их метка погаснет, поможет ли отбор, в случае поражения, найти достойную партию, какой у принца любимый цвет и можно ли выбрать место для свидания с ним... Куча бессмысленной лабуды, которую я была вынуждена слушать. Я для себя решила, что постараюсь следовать правилам. Хотя бы, некоторым, которые не кажутся столь уж дурацкими. Но вот с одеждой точно не стану плясать под их дудку. Наряжать себя словно фарфоровую куклу в десять слоев ткани – дурость полнейшая. Я не удивлюсь, если у них вши от такого заведутся или потница по телу пойдет.

Слушая в пол уха ответы распорядителя, я рассматривала присутствующих дам. Большинство из них навевали скуку. Половина – точно аристократки. Я видела жену графа Иктиона на одном из праздников года в Сенсории. Держалась точно также: словно палку проглотила. Лицо такое одухотворенно-торжественное, словно она уже рейна, а не графиня. Говорит мало, зато, если к ней обращаются, смотрит презрительно. Вот многие тут были именно такими. Некоторые явно старались казаться лучше, чем есть. По крайней мере, три девицы нет-нет, да ловили себя на том, что начинают сутулиться и спешно выпрямлялись. Одна из них все время поглядывала на фрэйни Амалию и копировала каждое ее движение, вплоть до поворота головы. Это забавляло. Казалось, только наша троица, да еще одна рыжеволосая не из знатных.

Я посмотрела на Сильену. Она теребила колечко на среднем пальце. Тонкий ободок из белого металла с красным камнем в форме цветка.

– Красивое кольцо, – шепнула я.

– Это мне дух сада подарил, – улыбнулась девушка. – Говорят, что он теперь мой хранитель.

– Здорово.

Интересно. Не я одна, получается, колечко получила? Это что, Малахит теперь мой хранитель? Не удержалась и гоготнула над собственными мыслями, чем привлекла всеобщее внимание.

– Простите, подавилась.

Попыталась изобразить из себя воспитанную фрэйни, но вышло ужасно. К тому же, подобное лицемерие мне претило.

Дождавшись, наконец, пока нас отпустят, я попрощалась со своими знакомыми и кинулась в комнату. Хоть каблучки и были низкими, но ноги уже ломило с непривычки. Я скинула туфли и развалилась на диванчике. Точнее, на козетке, как узнала от Сильены. За время нахождения во дворце, она много чего выучила. Хотя, по мне разница не велика. Что козетка, что диван – попе все равно, лишь бы мягко и удобно.

В неблагоприятной позе: развалившуюся, с задранной юбкой и скинутыми туфлями меня и застала Грендолин, ввалившаяся без стука. Она втолкнула в комнату столик со швейной машинкой и улыбнулась, закрывая за собой дверь.

– Это чего такое?

– Швейная машинка, – обозначила подруга. – Пока ты там чаи гоняла, меня ввели в курс дела. Первый выход – к двенадцати. Будем делать из тебя красотку!

– Ты хоть видела те безобразия, что там висят? – я кивнула на гардеробную комнату. – Может, я лучше брюки с ботинками надену? Ноги ломит.

– С ума сошла? Чем ты будешь принца сражать? Дыркой на штанах? Нет, нет и еще раз нет!

– Да дался мне этот принц...

– Дался или не дался, Ди, ты должна думать не только о себе! Представь, если ты станешь рейной, то сможешь не только нашему приюту помочь, но и кучу добрых дел сотворить!

Я резко села на кушетке, в смысле, на козетке и уставилась на подругу. А ведь я и не думала об отборе в таком ключе. Все о себе, да о себе, эгоистка! Только одну ночь во дворце провела, а уже стала не пойми кем. Меняет. Местная атмосфера сильно меняет и далеко не в лучшую сторону. Чтобы не забывать, кто я, мне надо почаще выбираться отсюда! Но сейчас не об этом... Возможности, которые откроются передо мной, получи я титул рейны, безграничны! Я смогу изменить налоги, помогать бедным, накостылять зажавшимся богатым!

– Грени, ты – гений!

– Я знаю, – светилась подруга. Только сейчас обратила внимание, что на ней удобное черное платье до колен, с белоснежным фартучком, волосы заплетены в аккуратную косу. Вот почему для прислуги шьют удобную одежду, а дамы должны мучиться? – Именно поэтому мы должны сразить принца!

– Хорошо, – согласилась я. – Хорошо. Но я все равно не надену на себя...

– Да, была я в твоей гардеробной. Потому и приволокла машинку! Ты ведь знаешь, что шить платья – моя страсть. Где еще я могу получить такой колоссальный опыт и доступ к шикарным материалам?

Я улыбнулась. Приятно видеть восторг в глазах подруги. Я доверяла ее вкусу. Когда мы в четырнадцать лет сбегали вместе из монастыря на уличные танцы, то наряды я таскала именно у нее. Вкусу Грендолин можно доверять. Если бы не происхождение, она могла бы стать известной и высокооплачиваемой швеей, даже не сомневаюсь!

Мы перерыли все наряды в гардеробной, решая, где и что изменить. Подруга с энтузиазмом делала наброски, давая мне на утверждение. Что-то я одобряла, что-то изменяла, над чем-то хохотали. Через сорок минут мы сидели в ворохе разноцветной ткани, а вокруг валялись карандаши, ленты, отрезки тканей и листки с фасонами. В итоге утвердили пока три. Грендолин обещала, что к завтрашнему дню все платья будут готовы. А к первому испытанию мы лишь немного подкорректируем то, что уже имеется.

Я бы в жизни не стала надевать то, что создала для меня Грени, но подруга заверила, что глубокий рубиново-винный цвет – мой. Настолько мой, что нельзя отвести глаз. Цвет мне действительно нравился, он не кричал, но и не выглядел мрачным. Я бы даже назвала его по

истине королевским. Но я в жизни не носила платьев в пол, потому смотрела на себя настороженно. Меня терзали сомнения.

Мы просто взяли нижнее платье от одного чрезмерно шикарного и объемного наряда, аккуратно отпороли от него рюшечки, бантики и гипюровые нашивки. Подруга настояла на одной единственной, самой легкой нижней юбке и, сколько бы я ни упиралась, отнекаться не удалось.

Из зеркала смотрела не пацанка, а настоящая госпожа. Ткань, как пояснила подруга – тончайший атлас, мягко прилегала к телу, обтягивая грудь и стягивая талию. На спине застежка в виде потайной молнии. От талии книзу струилась юбка-солнце, чуть приподнятая, благодаря нижней юбке. Я не выглядела раздутой, словно свинья на последнем месяце беременности, но при этом объем придавал фигуре определенный вес и даже стать. Мне захотелось выпрямить спину и расправить плечи. К слову, о плечах.

– Грени, я ведь совсем голая сверху. Может, приделать какие-нибудь рукава? Шея голая, плечи голые, руки голые, титьки, вон, едва не вываливаются!

– Не вывалятся! – бухтела подруга, расправляя мои кудрявые пряди и аккуратно укладывая их. Волосы решила оставить распущенными и украсить ободком с большим красным цветком в цвет платья. Кстати, цветок от этого самого платья и отодрали. Ну не смотрелся он со своими собратями на подоле. Совершенно не смотрелся! – Времени мало, тебе нельзя опаздывать.

– Что? Мы с тряпками два часа провозились? – удивилась я и посмотрела на часы. Действительно, я должна быть в рубиновой комнате через двадцать минут. Как раз в этот момент в дверь постучали.

– Кто? – крикнули мы с Грендолин.

– Это Венцеслав.

– Заходи, – скомандовали снова вместе.

Парень зашел и, заметив меня, замер с открытым ртом.

– Это хороший знак или плохой? – поинтересовалась у Грени. – Говорила же, надо плечи закрыть!

– Это – очень хороший знак, – заверила подруга. – Правда, Венцеслав? Фрэйни Савойи выглядит превосходно?

– Необычно, – поправил парнишка. – Дамы предпочитают поверх глухого надевать распашное платье, корсет, а вниз несколько нижних юбок, но... но ваш наряд... он...

– Ну?

– Мне нравится больше, – честно ответил он. – Вы очень красивая, фрэйни. И очень опаздываете. Нам следует поспешить, чтобы успеть к началу испытания. Вы уже готовы?

– Готова, – кивнула своему отражению, смело шагнула вперед, наступила на подол платья и распласталась на полу. – Зашибись! И расшибись!

Грендолин помогла подняться и поправила наряд.

– Чтобы не падать, дамы приподнимают платье спереди, – подсказал служка, продемонстрировав на своей рубахе.

– Кому нужны все эти муки? Я бы предпочла платье Грендолин.

– Ваша камеристка тоже выглядит... превосходно, – согласился парень, опустив ресницы. Ага. Так и знала! Тили-тили тесто, жених и невеста! Удержала замечание, чтобы не смущать подругу и приподняла подол, дабы не запнуться. Подруга осталась в моих апартаментах, разбираться с остальными нарядами, а я плыла по коридору, ловя на себе вновь недовольные взгляды. – Венцеслав. А что делать, если задница чешется?

– Почесать, – как ни в чем не бывало, выпалил он, но тут же спохватился. – Ой, простите, фрэйни. Я имел в виду, что... ну... я...

Я расхохоталась на весь коридор, глядя на покрасневшие щеки парня.

– Да ладно тебе. Ответ-то правильный, почесать. Но как, если ты в таком платье и двух юбках?

– Признаться, этим вопросом я не задавался, – смутился служка и повел меня дальше по коридору. А я думала лишь об одном, где найти потайное место, чтобы сделать то, что не давало покоя. Наконец, мы поднялись по широкой мраморной лестнице и вошли в пустой коридор. – Венци, ты посторожи, ладно? Я быстренько. Только не оборачивайся?

Не задавая вопросов, парень встал неподалеку, и повернулся ко мне спиной. Я шмыгнула за мраморную статую какой-то безрукой девицы с голой грудью и задрала юбки, с облегчением почесывая правую полужопицу. До чего же приятное и такое недоступное для леди ощущение – почесать в недоступном месте. Пока чесала, разглядывала девицу. Та дарила мне меланхоличный взгляд. Интересно, за что ей руки оторвали? Уж не за то же ли самое? Я гоготнула и принялась поправлять юбки, но случайно толкнула постамент.

– Фрэйни, поторопитесь, там идут...

– Ага, – схватив женщину за талию, я прижалась носом к ее обнаженной груди, пытаюсь удержать конструкцию от падения. Но вот ведь незадача. Схватить-то смогла. Статуя зависла под углом сорок пять градусов. Мне бы потянуть на себя, да силенок не хватало, слишком уж она тяжелая. Держать дальше тоже не получалось. Медленно, но верно, пальцы соскальзывали. – Помогите-те... ай!

Женщина подарила мне печальный взгляд на прощание. Я зажмурилась, чтобы не видеть, как та разобьется, но звука удара почему-то не последовало.

– Продолжаете буянить, фрэйни Савойи? – донеслось ироничное замечание.

Я открыла сначала один глаз, затем другой. Адаптант Миргас легким движением поставил статую на место, откинул со лба шоколадные пряди и внимательно посмотрел на мой наряд:

– Необычно.

– Нелепо? – смутилась я, теребя пальчиками ткань юбки.

– Смело и... в вашем стиле.

– Не уверена, комплимент это или обида, – почему-то под взглядом адаптанта я чувствовала, как заливаюсь краской. Ресницы сами собой опустились сначала на его грудь, обтянутую черной футболкой, а затем и вовсе в пол. Слава богине, он не в лосинах! Куда я смотрю? О чем думаю? Да что такое!

– Это факт. Позвольте проводить вас?

– Венце...слав, – я обернулась и не нашла служки. Как же ловко смылся этот плут, даже не заметила. Признаться, без адаптанта дорогу в рубиновую комнату пришлось бы искать до завтрашнего вечера, а потому, смущенно улыбнувшись, кивнула:

– Да, одна я точно заблужусь. Но, знаете, без вас я ничего не сломала!

– Значит, мне следовало пройти мимо? – показалось, или в словах мужчины скользнула ирония.

– Хорошо, что не прошли, – я виновато опустила голову.

– А ведь обещали, – несмотря на фразу, в голосе не чувствовалось ни капли осуждения. Мужчина вытянул согнутую в локте руку. Я посмотрела на ладонь, на локоть, на него. Как следует поступить? У нас в Сенсории за ручку мужчина с женщиной не ходят.

Адаптант молча взял мою ладошку и положил на сгиб своей руки. Я благодарно улыбнулась. Какое счастье, что не пришлось выставлять себя в глупом свете.

Мы шли до рубиновой комнаты молча. Рядом с магом было так спокойно, что не хотелось ни разговаривать, ни шутить, ни почесать себе что-нибудь. Вообще хотелось стать лучше. И даже завистливые и осуждающие взгляды проходящих мимо придворных, казалось, не достигают своей цели, словно мы окружены невидимым коконом.

– Как вам это удастся? – удивленно выдохнула я, не рассчитывая, что адаптант поймет, что я имела в виду. Да я и сама толком не понимала, какого ответа желала услышать.

– Магия.

– Снова магия, – я закатила глаза, но, прежде чем успела добавить следующую мысль, мы остановились возле дверей. Они отличались от иных дверей дворца. Большинство были белыми, золотыми, бело-золотыми или с картинами дивных садов. Но эти – особенные. Тоже двустворчатые, как и большинство, но внутренний прямоугольник украшен мелкой россыпью красных камней причудливой формы, которые держались не иначе, как на магии. Свет, льющийся из комнаты, создавал загадочную игру граней, они подмигивали красно-бордовыми огоньками, зачаровывали и манили.

Адаптант протянул ладонь:

– Ваше кольцо, фрэйни Савойи.

Я принялась возиться с узелком, неловко дернула и старая от времени нитка порвалась. Если бы не реакция адаптанта Миргаса, все мои сокровища рассыпались бы по полу и, не приведя богиня, укатились бы и потерялись. Но мужчина успел перехватить связку прежде, чем она достигла даже моего живота.

– Обычно я не такая растяпа! – попыталась оправдаться. – Но рядом с вами все ломается и само валится из рук! Вот честное слово!

Уголки губ адаптанта дрогнули, но быстро заняли прежнее место:

– Нитка перетерлась от старости. Я сохранию это на время испытания.

Я смотрела на свои ценные вещи, которые, в широкой ладони мага казались маленькими крупичками какой-то нелепой, совершенно неуместной для дворца жизни и печально вздохнула:

– Вы, правда, сохраните их? Это мои самые большие сокровища.

– Вы можете мне доверять, фрэйни.

Я наблюдала, как небесно-голубые глаза мужчины становятся темней и вновь обретают медово-янтарный цвет.

– Что за магию вы применяете?

– Это – не моя магия.

Не знаю, что имел в виду мужчина, но у меня мурашки по телу прошли, словно оголенной кожи рук коснулось что-то мягкое и невыносимо нежное. Я заметила, что кожа рук адаптанта тоже покрылась мурашками. Неужели и он это чувствует? Что творится возле дверей в эту странную магическую комнату?

– Нам пора, – мужчина разорвал необъяснимый магический контакт, и его глаза приняли прежний цвет.

Двери перед нами отворились сами собой, и мы вошли вместе, сразу обратив на себя всеобщее внимание.

– Прекрасно, – шепнул мужчина мне на ухо и, мягко подтолкнув вперед, к другим участникам, сам стремительными шагами двинулся по направлению к принцу. А я медленно шагала, и улыбалась, понимая, что комментарий относился к моему внешнему виду. И плевать, что другие участницы смотрят на меня, кто со снисходительной ухмылкой, кто откровенно брезгливо, а кто злорадно. Сейчас я чувствовала себя неотразимой!

Сильена и ее подруга смотрели удивленно.

Я обернулась на адаптанта. Похоже, их беседа с принцем не задалась. Складывалось впечатление, что мужчины едва ли не ругаются. Но, разумеется, адаптант не станет прилюдно выяснять отношения со своим господином, несмотря на высокий статус.

– Фрэйни Сандер и Литегрин, подойдите к адаптанту Миргасу, – произнес распорядитель отбора.

Помимо него в комнате находились принц, который сидел на вычурном кресле с золочеными подлокотниками, адаптант и участницы. Я опасалась, что во время испытаний будут зрители, но, к счастью, таковых не оказалось. Сосредоточилась на принце. Миловидный. Даже

можно сказать, хорош собой. Явно ровесник адаптанта, но выглядит моложе, наверное, за счет живой мимики. По его лицу всегда можно понять, о чем он думает. Сейчас мужчина выглядел крайне недовольным. Надеюсь, со мной это недовольство не связано, поскольку я поставила перед собой почти недостижимую цель: стать следующей рейной. А это значит, что на подлокотник сейчас оперся мой будущий супруг. Потенциальный? Ну, уж нет! Если Савойи за что-то берется, то непременно доведет дело до победного конца! Что считать победой большой вопрос, конечно. Наверняка они не обделят проигравших конкурсанток финансово, потому в любом случае, чем дальше я продвинусь, тем больше будет выгода. Это значит, что ребят из приюта ждут отличные подарки на день Зимнего чуда! Детишки как никто другие этого заслуживают...

Из раздумий меня вывела Сильена:

– Ты выглядишь очень необычно! Не скажу, что осмелилась бы надеть лишь нижнее платье, но... это здорово! Мне нравится.

– Спасибо. Чего хотел адаптант?

– Попросил наши кольца. Сказал, что могут повлиять на испытание.

– У этой, рыженькой, тоже кольцо есть?

– Фрэйни Литегрин? Да. Недавно получила.

– Итак, дорогие фрэйни! Подойдите ближе.

Распорядитель привлек наше внимание. Дамы поднялись и, не договариваясь, выстроились в шеренгу. При этом адаптант с принцем покинули зал, но через другие двери.

Внутри меня все напряглось.

Отчего-то стало тревожно.

Я осмотрелась по сторонам, чтобы успокоиться. Рубиновая комната недаром получила свое название. Кремового цвета стены перемежались с необычными вставками, как на дверях. Декоративные полосы от пола до потолка усыпаны мелкими красными камушками. Пол целиком состоял из полупрозрачного красного камня, по нему даже ступать было страшно-вато. Не ровен час, разобью или поцарапаю, в жизни потом не возместить ущерб! Окон в комнате почему-то не было. Да и мебель, казалось, была принесена специально для участниц и его высочества, поскольку смотрелась неуместно. С потолка свисало несколько длинных лент, усыпанных магическими сферами и теми же красными камушками. Свет огоньков отражался от них, в результате чего все присутствующие были расцвечены красноватыми пятнышками. Цвет моего платья подходил как нельзя лучше, а ведь мы с Грендолин нарочно не выбирали!

По углам неожиданно вспыхнули свечи. Я даже не заметила, что в комнате находились напольные подсвечники. Таинственный полумрак делал свое дело, создавал магическую атмосферу.

– Сейчас состоится первое испытание, по результатам которого одна из участниц уже завтра утром нас покинет. В эту комнату зайдет тринадцать человек. Если быть точнее, тринадцать принцев. Вы должны узнать его высочество.

– Можно общаться с двойниками? – фрэйни Амалия задала, наверное, самый волнующий участниц вопрос.

На девушке тоже красовалось платье красного оттенка, но более яркого, по сравнению с моим, кричащего. В тон платью – красная помада и крупные камни в украшениях. Нельзя не признать, что в красноватом полумраке она смотрелась превосходно. Изящная красавица: хрупкая, высокая; тонкие плечики, аккуратно уложенные платиновые волосы, и огромный колокол платья с кучей ткани и рюшечек. Особенно меня фижмы смущали. Уж больно они напоминали оттопыренные слоновьи уши. Я гоготнула, и прислушалась к ответу распорядителя:

– Нет. Разговаривать вам запрещено.

– Как же тогда узнать, где принц, а где нет?

– Как-как, пощупать, – без тени иронии выдала я.

– Я бы несколько перефразировал, – укоризненно заметил фрэйн Макалистер. – Но, в целом, фрэйни Савойи права. При помощи касания. Вы можете коснуться ладони каждого из присутствующих принцев.

За спиной мужчины, словно по мановению волшебной палочки, появилось тринадцать полностью одинаковых принцев: как один в белоснежных лосинах, смешных башмаках с бантами и объемной темно-рубиновой накидке, намотанной на тело. И это я свой наряд считала нелепым. Подавив очередной приступ смеха – ведь я честно обещала фрэйну распорядителю постараться исправиться – внимательно посмотрела на наследников престола.

– Победит та, кто угадает принца? – уточнила одна из участниц, фрэйни в платье кофейного оттенка.

– Помните, это магическое испытание. Вы не должны угадывать. Прислушайтесь к дремлющей в вас силе. Будущая рейна – опора, половинка принца, которая была по каким-то причинам отколота. Почувствуйте энергию, соединяющую вас, зовущую, манящую. Родственную энергию! Вот, что вы должны сделать. Здесь и сейчас в этом удивительном, наполненном магией месте на вас смотрит богиня и все звезды разом. Подойдите к испытанию ответственно! Участницы призываются в порядке очередности появления во дворце. Первой испытание пройдет неподражаемая фрэйни Амалия.

– Благодарю, фрэйн Макалистер!

Девушка, гордо задрав носик, приподняла подол своего платья и, шурша юбками, подошла к первому кандидату. Взяла его за руку, крутила и так, и сяк, рассматривала. И так со всеми тринадцатью. Затем покрутила руки только двух принцев и остановила свой выбор на втором слева.

– Принимается, фрэйни Амалия. Фрэйни Гилмор, ваша очередь.

Леди в платье цвета спелой травы, со слишком глубоким, на мой взгляд, вырезом и слишком оттопыренным задом, ну, фасон платья такой, странноватый, подошла к выполнению задания иначе. Она вставала перед каждым принцем и закрывала глаза, видимо, стараясь почувствовать ту самую энергию. Лично я вообще ничего не чувствовала, разве что смеяться хотелось до жути. Все происходящее казалось настолько нелепым, что не верилось, будто мы на самом деле этим занимаемся. Ну, какая во мне магия? Неужели за девятнадцать лет я бы не поняла, что способна адаптировать природную энергию? Да, если бы мне открылась такая возможность, наш приют утопал бы в богатстве!

Тем временем, пока я витала в облаках, представляя, как отстраиваю новый жилой корпус для монастыря, а сестра Пышка с матерью-настоятельницей обнимают меня и угощают в благодарность пирогами, позвали десятую участницу – фрэйни Литегрин. Я пропустила прохождение испытания Сильеной, за что корила себя. Ну почему я такая рассеянная?

Фрэйни Литегрин сразу подошла к одному из мужчин и, тронув его руку, чтобы убедиться, с уверенностью указала на принца. Но, направляясь обратно на свое место, слегка покачнулась. Я тут же кинулась ей на помощь. К моему удивлению, другие участницы даже не шелохнулись. Лишь Сильена испуганно ахнула.

– Ты в порядке? – поинтересовалась я, помогая девушке дойти до кушетки.

– Голова слегка закружилась. Это от спертого воздуха и замкнутого пространства. Я не выношу запертых помещений.

– Фрэйн Макалистер, можно фрэйни Литегрин выйти? Ее вырвать может, а то и в обморок хлопнется! По-хорошему, ей бы к лекарю.

– Фрэйни Савойи! – возмутился распорядитель.

– Ну, что опять не так? Плохо человеку!

– До конца испытаний никто не может покинуть эту комнату. Лучше готовьтесь, вы следующая!

Фрэйни Литегрин почему-то неодобрительно на меня смотрела и сказала, что справится самостоятельно. Тоже мне. Я всего лишь хотела помочь. Думаешь сделать как лучше, а выходит как всегда.

Участница номер двенадцать, чье имя я прослушала, долго крутилась возле четырех принцев. Рассматривала их с разных сторон, заглядывала в глаза, уши, нос, трогала руку, даже понюхала некоторых. Такое чувство, что породистого коня выбирала. После тяжких раздумий, когда мне начало казаться, что эти муки не закончатся никогда, она указала на принца.

– Ваш выбор принимается. Фрэйни Савойи, ваша очередь.

– Ну, наконец-то, – недовольно протянула я, приближаясь к первому принцу.

Тактику прохождения испытания я не выработала. А толку-то? Я абсолютно уверена, что никакой магии во мне нет. Тем не менее, помня поставленную цель, собралась и сконцентрировалась. Вытянутую руку даже принимать не стала. Слишком уж неживые глаза у первого принца. Словно стеклянные. Да и холодом от него веет. Второго и третьего тоже мимо прошла. Возле четвертого остановилась, почувствовав тепло. Взяла руку, прислушалась к ощущениям. Похож на живого, но все равно, что-то не то. Не чувствовала я этой родной связи, о которой так самозабвенно вещал распорядитель. Поставила на заметку этого принца и пошла дальше. Около седьмого остановилась, вновь почувствовав тепло. Даже не тепло, а странное, нежное касание. Положила свою ладошку поверх вытянутой ладони принца. Кожа от запястий до плеч мгновенно покрылась мурашками, словно по ней провели гусиным перышком.

– Джулиан, – прошептал женский голос.

– Джулиан? – повторила рефлекторно. Лицо принца изменилось, но лишь на мгновение, и быстро приняло прежнее отстраненное выражение.

Что за Джулиан? Я обернулась – все девушки смотрели на меня с недоумением. Вряд ли кто-то из них пошутил. Распорядитель тоже молчал, но отчего-то недовольно сдвинул брови. Я снова глянула на принца. Мы так и не разомкнули рук. Признаться, мне не хотелось этого... Мы смотрели друг на друга, и будто первый раз видели. Что-то настоящее происходило в этот момент. Что-то неземное, более высокое, чем весь этот отбор или мимолетное человеческое желание. Не знаю, сколько бы мы так простояли, не вмешайся фрэйн Макалистер:

– Фрэйни Савойи, вы определились с выбором?

– Ага, – кивнула я, не в силах отвести взгляд от принца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.